

НАТАЛЬЯ ЛЕСЦОВА

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЧУДЕСНОМУ ПОЛЮ

ПОВЕСТЬ

1

И на черта понадобилось Егоровниной золовке Веруне писать то письмо, до сих пор уму непостижимо. Какому уму? Да хоть какому! Но, наверно, как-то так вот оно и бывает в таких случаях, когда постижимо — непостижимо, а на тебе — хоть стой, хоть падай! И телеграмма! Из самой столицы!

Сидели, сидели как-то две Богом забытые бабки зимой в деревне, вязали, пряли, чесали языками, ну и, понятно, включили телек, все так делают, когда время надо скоротать, а там — Якубович. И особенного-то вроде ничего, тем более что за столько лет и так надоел хуже бодучей да брыкучей коровы, которой просто замены не находится. И надо ж, всё вышло, как в анекдоте, только анекдот получился странный какой-то.

Якубович, как всегда, с масляной своей улыбкой, подмигивая лукавыми глазами, глянул на старух с экрана. И не сказать, чтобы очаровал, заставил поверить, мол, и правда, можно там чего-то выиграть, а заинтриговал вроде.

ЛЕСЦОВА Наталья Анатольевна родилась в 1971 году в Оренбургской области. Врач, кандидат медицинских наук, доцент. В 2016 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького (курс прозы Олега Павлова). Член Союза писателей России. Повести и рассказы публиковались в литературных журналах, автор трёх книг прозы: “Седьмая рана”, “Музыка для мамы”, “Имба-читальня”. Лауреат премии VI Международного Славянского литературного форума “Золотой Витязь” (2015), лауреат премии журнала “Наши современники” (2018). Живёт в Москве.

Посеял сомнение: леший его знает, каждую неделю ведь кто-то да выигрывает, а? Бытовой прибор какой или, допустим, деньги. Машины так часто, как раньше, не разыгрывают теперь, но и рыба поменьше, что в качестве призов там “плавает”, для таких, как они, сельских жительниц, ну, или наподобие, — мечтаний и чайний не предел, а беспредел полнейший, мечта до того заоблачная-несбытущая, что коли на трезвую голову подумать, то и смешно до самых печёнок, и глупо до безобразия, но ведь... Ага. Егоровна сроду сомневалась, что это правда: приехал, встал к барабану, крутанул, и на тебе — приз! Угу?! Да ещё какой — холодильник! Двухкамерный! В магазине, поди, тыщ двадцать-тридцать, матушки-утушки... Да разве такое возможно?! Или телевизор, какой ей сроду и не снился. Большущий, не то, что её старенький, который и рябит, и скрипит, и всего два канала ловит — “НТВ” да “Россию-24”. Второй ещё ничего, смотреть можно, а вот первый — прям хоть вешайся, как посмотришь, она его и не включала почти, чтоб лишний раз не расстраиваться.

Там вообще-то люди много чего дельного выигрывали. Не всё это, правда, было в хозяйстве нужно, по мнению старух Веруни и Катяни: кофеварка, домашний кинотеатр или фотоаппарат, допустим, не особо в этом смысле казались им стоящими вещами. Зато, когда кому-нибудь особенно везучему выпадали хороший пылесос или иностранная швейная машинка, которой сносу нет, и можно не то что внукам или правнукам, а и праправнукам подарить как семейную реликвию, счастьем бабок не было предела, радовались так, будто сами выиграла.

Бывало, что редкому счастливчику выпадал целый кухонный комбайн. На Веруню он впечатления не производил ни малейшего, а вот для Егоровны этот волшебный предмет был чем-то из сокровищ неземных, чуть не сродни летающей тарелке. В этих местах у излучины речки Чваровки не раз и не два видели мужики во время уборочной и ещё раньше — другие, у которых покос был, странное, на них похожее: огоньки, недолго мечущиеся по ночному небу и скрывающиеся за горизонтом, крутясь на небе и странные свечения вокруг них. Так и не поняли, что это было. Звуков никаких не слышали, только на уши вроде давило немного, но огни точно видели, и главное — чувство было непонятное, будто кто за тобой наблюдает. Ох и не по себе становилось: и контакта нет, и одновременно кто-то чужой рядом, трётся, трётся, а заговорить, поди ты, то ли не решается, то ли стесняется, а может, просто беспокоить не хочет. Посмеялись мужики, мол, чем без толку вокруг скошенного поля шарахаться, лучше б помогли чем, вон хоть сено скосить иль его до деревни доставить. А то ведь на тракторах по просёлочным дорогам тащить гружённые с верхом тележки та ещё “отрада”. Пока доползут по кочкам да по тридцатиградусной жаре больше пятнадцати километров, и мужики все вымотаются, и техника, на пределе перегруженная, ушатается. Солярки сколько сожгут опять же — и подумать страшно, а она теперь подорожала так, что сенокос не в радость и не в доход. Техника, с одной стороны, конечно, хорошо, но, с другой — затрат требует, да каких! Комбайн зерноуборочный — махина, как, к примеру, СК 5 Нива, — не кухонный тебе агрегат, который разобрал-помыл-посушил-собрал-убрал в шкафчик, и дело сделано.

Как-то в гостях у двоюродной племянницы Аньки в городе Егоровна внимательно разглядела и даже подержала в руках части кухонной чудо-машины. Узнала, что она режет всё сама, да ещё не как попало, а как надо тебе: колечками, ломтиками, стружкой, соломкой... Хоть фрукты, хоть овощи все подряд от морковки до сельдерея, название которого она с трудом кое-как запомнила.

Испытала она тогда такой неопикуемый сердечный восторг, что-то вроде и приятное, но какое-то недоступное, слишком шикарное для привычной жизни, запредельное. До самого дома распирал он её изнутри, поднимался, как вспучившаяся капуста, если неправильно заквасить. Одним словом, хорошо бы, конечно, но нечего губу раскатывать, не про нашу честь та сказка. Не про нас это счастье. Не про нас... Не про нас.

Показалось Егоровне это чудо техники чем-то вроде той самой квашеной безответственной или просто неопытной и неумелой хозяйкой капусты,

над ведром поднимающейся шапкой. Может, и приспособишь её потом в хозяйстве, но толку точно немного будет. Конечно, и из такой капусты щи сварить на худой конец... Хотя какие?! Но тут другая совсем история. Удобная вещь, понятно, комбайн, только каждый день не станешь его собирать-разбирать, мыть, сушить, укладывать компактно для хранения. Вот, к примеру, летом, когда заготовки на зиму авралом изо дня в день, ну, тут ясно, вещь незаменимая. Сколько времени бы сэкономила, сил, ведь и то, и другое на прочие многочисленные дела пригодится. Одним словом, и хочется, и колется. Вроде неплохо бы иметь в доме такую штуку, но и обойтись можно.

И тем не менее мечта об этой кухонной приспособе засела в мозгу у Егоровны так прочно, как черенок новой лопаты в тулейке, словно кто специально и хитро подогнал эту дурацкую идею под её дурную башку.

Егоровне, надо сказать, частенько всякая подобная ерунда в голову лезла, даже не давала спать. Увидит у кого платок красивый, и вот думает про него, думает... И не нужен особо, своих хватает, да и не любительница она себя украшать, а из головы нейдёт. Или, чего доброго, посудиною какой-нибудь необычной кто из баб похвалится, — ей непременно такую охота. Уж так охота, так, что ни терпежу, ни выдержки, одно лишь беспредельное расстройство. Словно весь её организм, каждая клеточка только этим живёт, и поди ж ты, вынь-выложь и дай, а иначе — смерть!

Так же однажды углядела она за соседским забором распылитель для воды. Поставят, со шлангом соединят, и он брызгает вокруг себя водичку на листочки, такая зелень свежая стоит, такая прохлада в воздухе, будто только что дождичек промелькнул и пыль проклятую прибил, травку омыв, оставив после себя чистоту и запах мокрой земли, от которого всё самой собой расцветает и делается живее и полнокровнее.

Мучилась она тогда, мучилась, не терпелось и себе такую диковинку поставить, чтоб дышалось легче и самой, и огородику. В конце концов, сорвалась, да и помчалась в город на маршрутке. Потратилась на билет, исходила весь рынок, отыскала-таки возжеленную свою мечту, привезла, а спустя пару дней дошло до дурищи старой, что это за “прелесть” такая. Оказалось, этакую “нужность” специально для газонов, для меленькой травки придумали, но никак не для огорода. Она прибила землю так, что потом пришлось бедной Егоровне до ломоты в спине рылнить, пушить грядки, разбивать корку на поверхности, чтобы помидорам и перцам дышалось свободно. И после того жалко ей стало себя, глупую старуху, позарившуюся на диковинную штуковину, прямо до слёз. Помыла, убрала в кладовку подальше и успокоилась со временем. Деньжат тогда на поездку и покупку она потратила страсть, аж семьсот рублей, считай, месячный её бюджет на чай, сахар, хлеб, конфеты и рис с макаронами — привычный набор продуктов, без которого невозможно обойтись (остальное давало хозяйство и огород). Пришлось экономить, сидела потом месяцок на картошке, капусте и соленьях. Тяжеловато пришлось без конфеток любимых “Буревестник”, полюбившихся с молодости, без чая “Принцесса Нури”, покоровившего её в последние года, без краснодарского длиннозёрного риса, что не раскисает ни в супе, ни в тефтелях, и всегда рассыпчатым получается, если отварить на гарнир.

Или ещё было у неё такое же, как она сама это про себя называла, “помешательство”. Привезли как-то в сельпо телогрейки, лёгкие, тёплые, не на ватине, как раньше, а на синтепоне. Аккуратненькие, и вроде не дорого, тыщу двести всего. Те, что на ватине, служили долго, если беречь, стирать время от времени и у печки просушивать на совесть, то и лет на пять, на семь хватало, а тут — кто знает? Померила, погладила на себе мечтательно в магазине, стала думать — купить - не купить, кушить - не кушить... Пока соблаждала, все разобрали. Ждала, надеясь, что ещё привезут, с полгода, наверно, но так и не дождалась. После дала золовке Веруне денег, когда та в больницу поехала, заодно на рынок заскочила, привезла.

Надела Егоровна телогрейку своей мечты, к зеркалу подошла — вещь! Сидит на её сухопарой жилистой фигуре ладно, не хуже, чем кожа на банане. Правда, поносила Егоровна ту телогрейку всего годок-другой, она у неё и расплзлась вся. Греть-то грела, да только и форму потеряла, и вид,

ладно хоть тут, во дворе никто не видит, доносила кое-как и больше покупать не стала.

И всякая подобная блажь лезла в её несчастную голову частенько, и бороться с этим было Егоровне никак невозможно. Видать, такая её натура, завидующая и бестолковая.

Вот и когда письмо на “Поле чудес” Веруня задумала написать, чтоб её, Катерину Егоровну, туда вызвали, она, зная за собой такие беды, решительно остудила золовкин пыл. Та сначала похихикала ехидно, понимая непутящую натуру братовой жены, царствие ему небесное, а потом и давай уговаривать. Мол, ты у нас ведь затейница, известная балагурша, столько шуток-прибауток всяких знаешь, и частушку споёшь — не охнешь, и спляшешь — не споткнёшься, уж кому-кому, а тебе туда самая и дорога.

— По-любому ведь оправдается, — уговаривала шельма, Веруня-говоруня, как её все с молодости называли, — даже если и не выиграешь, там всем чего-нибудь дают. А вдруг повезёт?!

— Да куда мне?! — хохотнула Егоровна. — Там угадывать надо, а у меня уже мозги-то усохли, скукожились, ничегошеньки не помню, хоть записывай. Зайду в кладовку или на погребницу, встану и думаю, чего притащилась, метёлка дряхлая?! Пока дойду через сени — забуду. А ты говоришь...

Золовка было согласилась с ней, потому как и сама кое-чего забывать стала, а Егоровна старше. Но потом предложила:

— Чего, Катяня, стесняться-то, туда и не такие попадают, а выигрывают. Ты не растеряешься, ты у нас запальная, сроду сама на какую-нибудь блажь загорешься, да ещё меня уломаешь. Тогда вон сколько ты мне про телогрейку долдонила: лёгкая, тёплая... Ну, купила я и тебе, и себе, и сама двух лет не поносила, и твоя дольше не прослужила. Давай-ка, Катя, дурь эту твою природную куда следует направим. На дорогу денег соберём, и всего-то тут до Москвы тыщу рублей доехать, если автобусом. За ночь доберёшься, я тебя провожу. Обратно так же. Гостиница бесплатно, я слыхала. В больницу когда ездила, женщина одна в очереди в регистратуру, — ох, долго стояли! — рассказывала, что сосед у ней играть ездил, так три дня (!) жил в Москве за счёт телевидения. Ну, ему не повезло, правда, не выиграл ничего. Но ведь и на жильё не потратился. Питаться будешь из своих запасов. На еду там не напасёшься, никаких наших пенсий не хватит. Пирогов тебе спечём, сала возьмём, яичек, хлеба, лучше сухариков, я насушу в духовке, а уж чаю скипятишь, у меня маленький кипятильничек есть, ну, знаешь, тот, что Ваня из армии привёз. Так в буфете и лежит, ни разу не пригодился. Надо проверить будет, вдруг не работает.

— Ты чего, Веруня, говоришь?! — уставилась на неё Егоровна. — Мало мне тут молвы “хорошей” по моим заходам, чтоб не то что каждая курица, а каждая штaketина стала надо мной смеяться. Нет уж!

Она выключила телевизор демонстративно и решительно, дав понять, что на этакую аферу подписываться не станет, и принялась сосредоточенно вывязывать пятку носка, набранную на четырёх, квадратом собранных спицах.

Веруня замолкла, штопая зелёными нитками протоптанную подошву розового махрового носка, и засопела, видимо, обидевшись. Так они просидели минут двадцать, молча ковыряясь каждая в своём носке, но, в конце концов, не выдержали и снова включили телевизор. Шла суперигра. У барабана стояла бойкая старуха в вязаной кофте и шали поверх неё и пыталась угадать длиннее слово, которого, судя по выражению её напряжённой и от этого ещё сильнее сморщенной физиономии, не знала.

Старухи замерли, изо всех сил сочувствуя финалистке, тем более что на кону стоял сверкающий белизной двухкамерный высоченный холодильник. Шёлкали секунды, в студии стояла загробная тишина, а надежда на то, что бабка, таки добравшаяся до финала, уедет домой с призом в свою такую же, как их, тьмутаракань, таяла, как коровье масло на раскалённой сковородке.

— Давай молитву читать, — слотнув скудную слюну, выдала Веруня. — Поможет, может. Жалко ведь. Глянь на неё, нищета в облезлой кофте... Ой, только что шалькой красивой прикрылась, чтоб бедность скрыть. Поди, на последние копейки добралась, надеялась... Молись, Катя!

Обе зашептали, начали креститься на образ в углу, но тут время для раздумья у той несчастной на экране закончилось, и Якубович с приклеенной улыбкой под ухоженными усами, белоснежными даже на экране телевизора бабки Катяни, предложил назвать слово. Бабка в телеке растерянно опустила глаза, обречённо вздохнула, снова посмотрела на закрытые буквы, и виновато улыбнулась с такой болью во всех истрёпанных жизнью скумканых чертах лица, что обе старухи одновременно тяжело и громко икнули, задыхнувшись от досады. Якубович ласково улыбнулся непонятно кому, и, не обращая ни малейшего внимания на надвигающуюся на финалистку неминуемую катастрофу, сказал невозмутимо:

— Вам, Анна Иванна, известны три буквы: я, е, м. Итак...

На самом деле в слове были открыты целых пять букв, потому как “е” встречалась в нём три раза, но все открытые буквы стояли в таком порядке, что догадаться, наверно, никто бы не смог. Ни первой, ни последней... А без них как?

Бабки тяжело дышали, бросив штопку и вязание, но не переставали молиться. Катяня к этому моменту добралась как раз до “яко Спаса родила еси душ наших...”, а Веруня-говоруня благодаря своему натренированному языку аж до “...и остави нам долги наша”, и сдаваться не собирались. И тут, как, наверно, бывает, если искренне, да ещё не в одиночку молиться и всем сердцем чего-то желать, да ещё не себе, а другому, да к тому же совершенному чужому, неизвестному тебе человеку, оно случилось.

Старуха на экране вдруг вся распрямилась, устремив макушку вверх, и так широко раскрыла глаза, что стала чуть ли не двадцать лет моложе, всплеснула руками, стукнула себя кулаком по лбу и выдала:

— Зе-мле-тря-се-ние!

Бабки дружно замолчали, не докрестившись, а с экрана на них обрушились такие оглушительные аплодисменты, что обе отшатнулись к спинке старого просиженного дивана. Якубович бросился обнимать победительницу, она залилась слезами внезапного лихого счастья, а Веруня метнулась зачем-то к телеку и остановилась у самого экрана, закрыв его собой полностью. Она широко развела руки и замерла, словно хотела его обнять, потом резко развернулась и уставилась на хозяйку:

— Вот, Катяня, видала?! — радостно утирая слёзы уголком платка, накинутого на плечи, завопила она.

Та глянула на неё исподлобья, хоть и не без радости во взгляде, но всё ж недоверчиво, и, поморщившись, ответила:

— Может быть, может быть... Ведь догадалась же, хотя... Не верю! Артистка, поди. Изображала, что не знает, а потом вот вам — получите! И кофту специально такую на неё надели, чтоб выглядело всё натурально, вроде как она и правда из деревни приехала.

— Ерунду не говори, — обиженно осадил её Веруня. — Вон погляди, какие руки-то у ней?! Разве у артисток такие бывают?! Это ж с наше с тобой надо полопатить, чтоб пальцы так все поискривлялись, а вены чуть не насквозь кожи торчали.

— Да, друзья, — провозгласил ведущий, уже на фоне бегущих по экрану титров, — доярка Анна Иванна Манина выиграла сегодня холодильник “Индезит” и отправляется с этим прекрасным призом домой, в Хабаровский край, село Знаменское. Поздравляем!

Бабки переглянулись.

— Слушай, Катяня, — тыча крючковатым пальцем в телек, спросила Веруня, — а как она туда пойдёт его? Поездом, поди, то на то и выйдет, что в Хабаровске новый такой прикупить, что из столицы туда его... Ой, беда... Вот старухе-то расстройство.

— Оханьки, — качала головой Катяня, — если б до Хабаровска, ещё ладно, она-то от него ого-го, поди, где живёт. В этом... Знаменское или как его там?

— Да уж! — усмехнулась Веруня. — А там-то не то, что у нас тут. Там, Катя, тайга. Ваня ж наш как раз в тех краях, бедный, служил, порассказал

про тамошние дороги. Вот счастье-то привалило... Ухайдакают вещь по ухабам, пока довезут.

— Вот почему у нас сроду так, а, Веруня?! — вздыбилась вдруг бабка Катя. — И выиграет раз в жизни простой человек приз, и опять ему не в радость.

— А ты подумай, как она на дорогу потратилась?! — вздохнула Веруня. — Из тех-то мест до столицы добираться, а?! Ваня, помню, говорил, что поездом больше недели ехал, все деньжата, что были с собой, проел. Уж в последние сутки попутчики подкармливали, добрые люди.

— Да-а-а-а, придумала себе старуха проруху, — выключая телек, задумчиво почесала в затылке Веруня, попутно поправляя платок. — Но ведь выиграла!

— Ну да, — согласилась Катяня, поднимаясь с дивана и направляясь на кухню.

— И молодец, скажу я тебе! Знаешь чего? Один раз живём, да ещё так, что на старости лет нечего и вспомнить. Как у нас с тобой: сарай-дом-огород-печка-картошка-дойка-поросята... Ох, жизнь!

2

Ночью Катерина Егоровна спала беспокойно, как никогда. Даже вставая по три-четыре раза смотреть стельную корову, и то умудрялась спать между шатанием в сарае, а тут прям сбило сон, как ветер сбивает с ног во время урагана.

Ей бы заснуть, а голова кипит от мыслей, мерещится блажь всякая. Разговоры эти Верунины в башку лезут снова и снова. Заснула ненадолго уже под утро часов в пять, так и то не к доброму делу — Якубович приснился. Этот шельмец с какими-то деньгами всё к ней подбирался, вроде как охмурить, бесстыжий, хотел, потом холодильник огромный на неё то ли падал, то ли кружил вокруг, красивый такой, беленький, новенький... Заманчивая идея, которую весь вечер проводила в жизнь Веруня, всё настойчивее и упорнее лезла в голову. И так как бабка Катя была крайне неустойчива к подобным кандибоберам, из-за чего и получила в деревне прозвище Катяня-Муговорка, то, прекрасно зная такое дело, она принялась шепотом на себя же ругаться самыми последними оскорблениями.

В семь часов утра, вставая с постели с большой тяжёлой головой, припомнив ночные полусонные размышления, она навечно зареклась не слушать больше Веруню вообще, никогда и ни по каким другим поводам и вопросам, чтобы не допускать ни подобных глупостей, ни даже единой мысли о них. Встряхнув головой, она кое-как справилась с шумом в ушах, который для неё после подобных ночей был обычным делом, и принялась одеваться.

Этот ритуал сложился как-то естественно за долгие годы, и она не изменяла ему никогда. Почему именно так, она и не задумывалась, просто так было удобно и единственно, как доказала сама жизнь, правильно, и стало многолетней привычкой. Поверх панталон она натягивала синие мужские трикотажные штаны с начёсом — чистые, потом ещё одни — грязные, наружные, чтоб нижние не пачкались в сарае. Носки махровые в разноцветную полосочку, поверх — шерстяные, собственноручно связанные, и ещё следки капроновые, защищавшие их от скорого протаптывания. И уже потом — коты, низкие валяные сапожки, лёгкие и тёплые, как валенки, что служили ей обувью от конца августа до майских праздников, а в поздние вёсны и до самого лета. Она их и дома не снимала, а в сарай поверх них надевала глубокие калоши, которые оставляла на крыльце.

Лифчик Катяня не носила ещё с тех самых пор, как вышла на пенсию. На работе неудобно было с грудями, растекающимися в подмышки и по животу чуть не до пупка, а дома кто видит? Ходи, как хочешь, чтоб ничего нигде не давило, вот она их сначала в бане на гвозде все три штуки повесила, и когда в магазин шла, то надевала по очереди, а потом и вовсе в сундук покидала и забыла, потому как все ровесницы без них стали обходиться

уж не стесняясь. К тому же груди постепенно поиссохли, под многослойной одеждой теперь так не выдавались, как раньше.

Носила Катяня простые хлопковые сорочки в мелкий цветочек и фланелевые платья, когда холодно, а летом — ситцевые халаты. Поверх платья зимой всегда, а летом — когда прохладно надевала вязаную коричневую кофту с карманами на пуговицах, в которых лежали “Живые помощи” и маленькие иконки Николая-Чудотворца и Богородицы. Так она оделась и в то тёмное утро, которое разделило её жизнь на до “Поля чудес” и после него.

Для сарая у неё имелась специальная старенькая потрёпанная телогрейка, а для лютых морозов — вытертый, ещё мужнин тулупчик, который она подпоясывала кожаным плетёным пояском. На голову повязывала вязаную козыю шалёнку непонятного цвета.

И телогрейка, и платок, несмотря на ветхий свой вид, грели, и чувствовала она их, как свою вторую кожу, сроднившись с ними и с вьёвшимся в них запахом стойла и свежего навоза, который не сходил с заношенных вещей и после стирки.

— Своей башкой жить надо, — подумала Катяня, одевшись, и решительно шагнула через порог.

Она принялась мести пол в сенцах, чего так рано никогда не делала, да ещё с таким усердием и усилием, что новый веник, роняя короткие сухие веточки, время от времени хрустел печально и беспомощно.

Катяня совершила над собой невиданное доселе усилие. Во всяком случае, ей так показалось. В сарае она продолжила бороться с собой, и ей даже удалось отвлечься за хлопотами от навязчивых мыслей, но уже за утренним чаем с последними тремя пирожками, которые они накануне не доели с золовкой, раздумья снова накатили.

Катяня припомнила, и не без удовольствия, как вчера благодаря, возможно, и их молитвенной помощи, той доярке повезло. Теперь, как ни крути, а у неё в такой же, как у них, деревне, только затерянной где-то среди заснеженной непролазной тайги, будет на кухне стоять тот прекрасный холодильник, с великими трудами доставленный аж из самой Москвы, и все порадуются за неё. И расходы, конечно, но ведь и приз-то стоящий.

Начиная варить борщ, она спохватилась, что вчера пообещала Веруне дать свёклы. У той свёкла не уродилась, и они друг дружку выручали. Золовка угощала её яйцами, потому как её куры почему-то неслись хорошо, несмотря на зиму, а Катюнины, словно объявив бойкот, бездействовали, оставив её и без яичницы, и без омлета, да что там, и для теста порой яйца не перепадало. Поставив варить бульон с утиным задком и потрошками, нашинковав капусту и заготовив поджарку, бабка Катя, ругая уже не Веруню, а себя за вчерашнюю пустую и глупую заморочку, надела телогрейку и, накидав в сумку свёклы, отправилась к золовке. Хоть идти было и недалеко, но ночью навалило столько снега, что короткие валеночки увязали в нём выше щиколоток. Но, слава богу, что золовка сама не дремала. В конце улицы уже маячила её увесистая фигура. Веруня, обвязавшись шалью и кое-как запахнув на груди старую Ванькину куртку, не сходящуюся в этом месте, еле-еле пробиралась по снегу к ней. Полы её синего в оранжевых розах халата подметали лёгкий пушистый снег по бокам едва протоптанной дорожки, а коротенькие валеночки, такие же, как у Катяни, которые начинались там, где едва заканчивался халат, утопали в белоснежном пуху, и временами их даже не было видно.

Встретившись как раз на середине улицы, аккуратно напротив дома Кольки Кряжева, они немножко посокрушались по поводу своих дырявых голов, посмеялись, обсудили погоду и поздоровались с хозяином, отвесившим им из-за своего забора комплимент “хохотушки-молодушки”. Когда они удалились на безопасное для Колькиных ушей расстояние, Веруня, приблизившись своей лоснящейся физиономией к складчатому лицу бабы Кати, тихо сказала:

— Я сегодня полночи не спала...

— Да кто ж тебе не давал?! — не поняла Катяня.

— Так письмо писала. Вот...

— Кому? Ваньке, что ль?

— Да какому Ваньке... На “Поле чудес”! Вот, гляди, — показала она вчетверо свёрнутый листок в клеточку, спрятанный на груди в складках халата.

— О-о-ох, Веруня, Веруня... Забудь, шальная! Вот ведь взбрело в голову, а?!

— Пошли к тебе, прочитаю, — схватила её под руку золовка, не обращая внимания на недовольные вопли и колкий взгляд.

Таща в руке сумку со свёклой, бабка Катя, увязая в снег, двинула обратно.

— Вот какого, спрашивается, я к тебе пёрлась?! — сердилась она, но Веруня и слышать ничего не хотела.

Золовка широко шагала впереди в полных снега валеночках, а за ней, увлекаемая полами халата, по обе стороны дорожки струилась, сверкая в лучах ослепительного утреннего солнца, рассыпчатая жемчужная крошка.

На кухне у Катяни золовка первым делом стащила с себя валеночки. Вычистив из них снег, приставила к печи, потом, сняв носки, растянула их сушиться на приступочке рядом, а сама босиком прошлёпала к старым войлочным тапкам, валявшимся у рукомойника. Обувшись, присела к столу и принялась разворачивать письмо. Она выглядела взволнованной и воодушевлённой, загадочно улыбалась, поглядывая на бабу Катю.

— “Уважаемые “Поле чудес”! Мы с моей свояченицей Екатериной Егоровной Крошкиной давно смотрим вашу передачу. И она нам очень нравится. Мы очень просим пригласить нас на неё, особенно моя свояченица Катерина Егоровна. Вчера мы смотрели, как доярка из-под Хабаровска выиграла холодильник. Мы очень порадовались. И мы даже, наверно, ей помогли, но это неважно, главное, что помогли. И теперь и сами мечтаем попасть к вам на игру. Позовите, пожалуйста. С уважением пенсионерка, ветеран труда Вера Гавриловна Агафонова”.

Веруня прочитала не спеша, с остановками, которые, по её мнению, с особенной значимостью должны были подчеркнуть большое искреннее желание поучаствовать в передаче, хотя писала она от имени Катяни и себя в виду не имела.

— Всё?! — после долгой паузы поинтересовалась баба Катя, когда золовка, наконец, замолчала. — Чёт маловато. Так не позовут. И слава богу.

— Ну, так уж и всё! Не всё! Вот ещё... — вытащила Веруня из наружного кармана куртки ещё один беленький листочек, сложенный пополам.

Она бережно положила его на стол, развернула и указала пальцем Катяне, мол, читай. Та подошла и, взяв в руки, уставилась на какие-то квадратики. Долго разглядывала их, пока, наконец, не сообразила, что это не что иное, как кроссворд.

— О-о-о, — кладя его на прежнее место на столе, поправила на голове платок Катяня, — видать, ты правда туда собралась, коль такой ерундой всю ночь прозанималась, горемычная. Вот и езжай сама-то, раз такая грамотная. А я в этих кубиках ничегошеньки не понимаю.

— А тебе и не надо, — усмехнулась Веруня. — Кроссворд я срисовала из нашей районной газеты десятилетней давности, глянь, если не понравится, можно из другой взять. У меня за печкой их целый ворох, для розжига. Без кроссворда-то не примут письмо, так вот я и передрала, но то не большой грех, Катяня... Тем паче, что там никто проверять не станет, где оно взято.

— А вдруг узнают?! — вопросительно уставилась на неё Катяня.

— Откуда?! Наша газета от них за тридевять земель. Главное, чтоб был! — аккуратно вкладывая лист с кроссвордом в письмо, отозвалась Веруня и потребовала: — Ну-ка, конверт хоть достань, а то и так всё я за тебя сделала, отправишь сама.

— Вот делать мне нечего, как переться по этакому снежищу к почтарке, а у меня все кончились ещё по осени, — вытаращилась Катяня. — Знаешь чего... Коли так тебе желается, так и езжай сама. Пускай над тобой вся деревня потешается, а я на своём веку нагнула уж с походом. Хватит! Помирать скоро, пора и остепениться.

Она важно зашагала вдоль печки по направлению к тазу, в котором ставила тесто. Повязывая на ходу фартук, она упрямо мотала головой в знак своего окончательного и бесповоротного несогласия с решением и действиями золовки. Так она ещё раз, уже самый последний, показывала Веруне, что её затея на этот раз безнадёжна.

3

Потом у Катяни отелилась корова, да ещё в кои-то веки принесла двойню, — ладненьких тёлочек с почти одинаковыми пятнышками на грудках. Вся она с головой ушла в заботы по хозяйству. По целым дням не вылезала из стойла, кормила коровку, доила, отпаивала теляток — Соломку и Ласточку. Соломка оказалась под стать кличке, хрупенькая, слабенькая, запоносила сначала, а потом на ножки стала припадать, пришлось на время взять её домой, кормить из бутылочки с соской, подбавляя жидкой манной каши, обогревать у печки.

И о себе подумать некогда было. Ладно, хоть Веруня ходила, помогала, хлеб приносила, который сама пекла в хлебопечке, что Ванька из города привёз. Ещё из магазина крупы приносила и конфет-печенья к чаю. В баню она тоже к золовке весь месяц ходила, потому как свою истопить некогда было, вся в хлопотах увязла. Лишь когда тёлочки подросли и прижились в стойле возле матери, Катяня вздохнула с небольшим облегчением.

И вот в этот самый момент, словно его именно и ждала всё это напряжённое время, Веруня напомнила ей про “Поле чудес”. Ненавязчиво так, словно между делом. Катяня и не поняла, а та так преподнесла, что вроде бы они раньше уж всё решили и даже написали, осталось, мол, только отправить, и даже конверт купила, запечатала и на почту сдала.

И Катяня, понятно, не надеясь, что позовут, и забыла сразу про письмо. Нормальная ведь теперь стала, с чудачествами решила завязать. Понимала, что там таких сумасбродных, ой, матушки-братушки, и без них с Веруней хватает. Как-то уверовала в то, что затеряется письмо среди других, которые кроссворды не списывали, а сами сочинили, и очень на это рассчитывала, потому как боялась, что вдруг откроется факт золовкиного мошенничества, и придётся с районной газетой ещё объясняться.

Факт Веруниной контрафакции не открылся, слава богу, и на передачу, вот ведь заразы, позвали, чем перепугали Катяню чуть не до смерти. А получилось так: пришла спустя полгода, а может, чуть больше, телеграмма, что ждут её там, и быть надо к такому-то числу. Катяня чуть было со страху не померла, когда Ирка с почты прибежала с новостью и сунула ей в руки телеграмму. В голове всё помутилось, как прочитала, пол под ней в кухне зашатался. В ушах при этом так зашипело, зашкворчало, будто кто-то, у кого сроду не было привычки газ экономить и правильной сноровки, чтоб сало по уму поджарить, взялся со всей дури на самом большом огне кулинарить.

“Господи, — подумала еле послушными мозгами, которые и так не больно-то в последние года слушались, — ведь надо ж было им, там, — та-ам! — на Верунину писанину позариться?! Кой-как состряпала письмецо, стибрила кроссворд, а они, это ж бывает так, Царица Небесная, Матушка-Богородица, и позвали! Тебе, Веруня... И когда ты уже успокоишься?! Ой, дура я, дура, старая баламутка! Так мне и надо!”

И головушка разболелась, и давление тогда подскочило с перепугу, и таблетки, которыми она от гипертонии спасалась до того, теперь не действовали — чуть в больницу не угодила. Спасла Веруня. Примчалась со своими “смертными” тринадцатью тыщами в носовом платочке, втиснутом промеж грудей, и, кое-как откопав его там, спокойно положила на кухонный стол. Из кармана она достала квитанцию с почты о том, что отбила ответную телеграмму с согласием на игру.

Потом вытатила из-за пазухи красивый павловопосадский платок, который выпросила у Ирки, отправляя телеграмму. Велела достать и отгладить вишнёвое платье и готовиться к игре. Сама же помчалась домой наглаживать парадно-выходной шерстяной костюм. Он, как оказалось после примерки,

самым непостижимым образом на неё как-то ещё налезал, несмотря на то, что за те десять последних лет, что костюм провисел в шкафу, она здорово раздалась и в талии, и боках, и в бёдрах. Распышнела. Так это женское преобразование называл ценитель форм и объёмов Колька Кряжев. Веруния и в молодости, чего греха таить, особой стройностью не отличалась, как, впрочем, и её мать-покойница, и бабка, и все тётки по материнской линии.

На этот раз Катяня, видимо, в силу особенных, столь сильно выходящих из ряда вон обстоятельств, так и не успела слечь с гипертоническим кризом. После Веруниных указаний она вообще как-то вдруг пришла в себя, ещё наглоталась таблеток и необъяснимым образом всё же справилась с давлением, начав быстро и даже неплохо соображать. Вопрос “ехать — не ехать” теперь не стоял, потому как неудобно людей подводить, которые там их ждут и на них рассчитывают. Ведь не в том она уж вроде возрасте, когда с бухты-бархты вопросы решают, да ещё такие. На старости-то лет головой соображать пора, а не шутки шутить, обстоятельства вынуждали соответствовать.

Вся деревня, узнав про них с Веруней, на этот раз, как это опять же было и странно, не то что не посмеялась, а вроде даже зауважала бабок, а некоторые и позавидовали, грешным делом.

Кинулись собирать, да только проблема, про которую они не подумали, отправляя письмо, вдруг встала перед ними в свой полный рост и чуть не поставила под угрозу всё предприятие — подарки... С ними выходило самое неприятное, потому как ерунду всякую — помидоры-огурцы — везти уже давно туда перестали, видать, им в Москве своего такого добра хватало, а больше у деревенских ничего и не водилось.

Можно связать Якубовичу свитер, к примеру, но когда?! Уже через неделю их ждали на съёмку. Деликатеса в виде копчёной свининки ещё не было ни у кого, зима только началась, никто не резал до больших морозов. Мёду тоже в обрез у Катяни припасено, да и то только на случай болезни, дорогой стал больно, не разбежишься. Самогону, разве что, выгнать да наливочку из погреба достать, вот и все подарки.

Помучались раздумьями и так на самогоне и остановились. Веруния занялась сама, но аппарат барахлил, и дело шло медленно, а хотелось ведь, чтоб как слеза. Так ничего и не вышло. Выручил Колька, достав из своих запасов, только велел, чтоб Якубович обязательно попробовал и мнение своё на всю страну высказал с экрана. Пообещали.

Катяня наливочку достала, процедила, налила в красивую бутылку, укупила, и на том старухи и успокоились.

К этому времени уж деревня гудела, как улей. Соседи вызвались за домами присматривать и за скотиной, но душа всё равно не на месте была и у одной, и у другой, потому как давно они никуда из дому не отлучались. И, что главное, ведь ехать-то предстояло не в райцентр или в ближайший городок, а в самую Москву, где обе сроду не были и знать не знали, чего и как в дороге сложится.

Венька Кочергин, сосед, скотник раньше, а теперь пенсионер и пьяница, посоветовал речь заранее на бумажке записать, чтобы не сболтнуть там чего лишнего или неприличного, и выучить. Приветы передавать Катяне было особенно некому, кроме своих, деревенских. Вся родня — Веруния, двоюродная племянница в городе да сын непутёвый Генка, и тот уж лет пять как на север укатил и с тех пор дома не объявлялся. Слал только открытки к праздникам, кое-как писанные его корявым почерком, по которым она и узнавала, что жив-здоров, слава богу, шалопут и где находится.

Речь они с Веруней написали, но оказалось ещё хуже. Голова дырявая ничего запоминать не желала, всё путалось, и Катяня стала беспокоиться куда больше. Тогда Венька посоветовал взять с собой самогону не только в качестве подарка, а ещё пол-литровочку прихватить, чтоб выпить стопарик для храбрости перед выходом к барабану, заверив, что это самое лучшее, чуть ли не единственно действенное средство при подобных обстоятельствах. Веруния выгнала его прочь за такие поучения, потому как знала, что Катяня и по трезвому-то рассудку хоть и бойко, а всё ж не всегда гладко языком мелет и споткнуться может на самом что ни на есть ровном месте,

а уж подвыпивши, того гляди и чего непотребного отчебучит... А тут ведь на всю страну! Нельзя!

Деньги рассчитали. Поскольку в гостиницу селили на три дня бесплатно, денег должно было хватить на проезд до Москвы и обратно, разъезды там направо-налево, на питание и на мало ли что ещё, чего и предусмотреть невозможно. Зашили кровные в панталоны, оставив по три тыщи на непредвиденные расходы и проезд в Москве до гостиницы, и те спрятали надёжно в такие места, откуда достать без смущения можно было, пожалуй, только в туалете.

Зарубили две курицы, зажарили без чеснока и сметаны на одном только масле с перцем и солью, чтоб подольше не испортились. Яиц и картошки наварили по десятку каждой, испекли хлеба в дорогу, сала взяли кусок шириной в две ладони и мешочек сухариков. Чай в пакетиках припасли, сахару в пустую банку из-под чая “Акбар” насыпали, и решили, что покупать там будут только самое, ну, разве что, крайне необходимое. Лекарства свои проверенные сложили в сумки, ещё по три смены белья, наряды, Ванькин кипятильник, который, как выяснилось, ещё работает, и запас носовых платков, носков и салфеток. С тем и отчалили.

4

В Москве они прибыли на Казанский. Ещё в поезде выпросили у попутчиков, как добраться до гостиницы, которая была в телеграмме указана, — “Останкино”. Надо было сначала до метро дойти, и одна сердобольная тётка, которая прямо напротив них в поезде на нижней полке ехала, даже проводила их. Она же посоветовала покупать билеты сразу на десять поездов, так выгоднее. Постояв в очереди, билеты купили, но и тут случилось с ними недоразумение. Билет-то дали каждой, красненький, вроде нормальный, на картонке напечатанный, но один, а денег взяли с них как за десяток с носа. Веруня сразу в наступление пошла, смекнув, что хотят обмануть жулики московские.

В окошке баба не хуже неё, дородная, тоже голосистая оказалась. Сначала объясняла спокойно, мол, не переживайте так, тут на одной карточке по десять поездов значится, приложите и всё, и так десять раз. Но бабки и слушать не хотели. Люди вокруг смеются почему-то, но они твердят: “Дайте десяток, как заплачено!”

Очередь за ними собралась уже нешуточная, с полдеревни будет, не меньше, народ возмущается, а они не сдаются. Наконец, баба в окошке как рявкнет, мол, всё правильно, а вы, если сроду в метро не были, так зря не возмущайтесь, берите карточки и езжайте куда надо, за десяток поездов заплатили, все они здесь, аппарат их распознает, и нечего скандалить. Тут уж Веруня притихла, видит, что и впрямь, видать, они чего-то не поняли. Катяня тоже замолчала. Народ их из очереди вытолкнул, а мужик какой-то в телогрейке оранжевой без рукавов подскочил и давай объяснять, что да как. Кое-как разобрались, совсем присмирели, извинились и потащились с сумками, куда мужик указал. Подошли, а чего делать не знают. Завертели головами по сторонам, ещё пуще прежнего взбеленились.

— Что за порядки такие, если человек за свои деньги пройти не может? — завопила Веруня, а Катяня стала ей поддакивать и вместе они перегородили проход к эскалатору. Снова народ стал возмущаться, их обходили, толкали...

Опять мужик тот подошёл, взял у Веруни красную карточку, приложил к светящемуся кружку и воротца стеклянные открылись. Но она так растерялась, что стояла на месте. Мужик подтолкнул её, и не успела она сделать и пары шагов, как воротца снова захлопнулись. Она осталась стоять по одну сторону, а Катяня — по другую.

Испугавшись так, словно между ними разверзлась сама земля, и они навсегда оказались по разные стороны от огромной трещины, бабки сначала отскочили прочь, но тут же кинулись навстречу друг другу. Даже толстое стекло “ворот” еле выдержало. Мужик в оранжевом едва успел выхватить

у Катяни карточку, чтобы приложить её к кружочку, иначе она снесла бы эти воротца, потому что была к ним ближе, чем Веруня. Слава богу, они быстро открылись. Она провалилась в пустоту и чуть не свалилась с ног. Мужик кричал ей вслед, желая вернуть карточку, но она его не слышала. Веруня, уронив сумку, подхватила её, одновременно свободной рукой выхватив карточку из рук мужика. Бабки выдохнули.

Но тут Катяня стремительно стала надвигаться на Веруню. На самом деле она была не виновата, её двигала очередь, скопившаяся позади. Люди выныривали справа и слева от неё, и мчались к эскалатору, сначала огибая, обтекая, окаймляя Катяню, а потом и Верунину могучую фигуру с обеих сторон. Она охала, ахала, причитала, лавируя всем телом в людском потоке, но вытянутыми руками цепко продолжала держаться за Катяню. Та тоже крепко схватила её за воротник пальто.

Сообразив кое-как, что к чему, под напором людей старухи стали задом мелкими шажками отодвигаться, и дотопали так до эскалатора. Тут случилось бы непоправимое, потому что так же задом Веруня полетела бы с него вниз, а следом и Катяня, но на счастье подвернулся какой-то военный. Здоровенный и высоченный, с усами и в фуражке с кокардой, видя такое дело, готовое вот-вот завершиться катастрофой, он сгрёб старух в охапку, и развернул мордами к убегающей вниз лестнице.

Когда Веруня с Катяней глянули вниз, а произошло это почти что одновременно, так же в одну и ту же секунду ноги у обеих едва не подкосились. Перед ними зияла расцвеченная огнями бездна, в которой исчезала, вернее, куда-то бесследно убегала, как весенний мутный ручей, узкая лестница, опускающаяся в неведомую глубину и пустоту, словно мостки в топь в половодье, а они — вместе с ней. Обе вцепились в поручень эскалатора, но оказалось, что тот едет быстрее, чем ступеньки, и обе бабки снова чуть не улетели вниз. На этот раз их, рискуя жизнью или, как минимум, здоровьем, едва удержал худенький и щуплый парнишка, стоявший ниже.

Крик старух заставил народ на эскалаторе обернуться. Кое-как они приспособились, встали одна перед другой, уже спокойнее держась за поручень.

— Научились, — обрадовалась Катяня.

Золовка, вытирая пот со лба ладонью, молча кивнула. И всё бы было дальше хорошо, если бы не Веруня. Она зачем-то решила подвинуть сумки, которые вполне благополучно стояли на свободной ступеньке между ней и Катяней. Схватив сразу обе, она рванула их, и получилось, что рванула вниз, потому как Катяня стояла выше сумок, а она — ниже. Одна сумка раскрылась, и на ступеньки полетели сначала тапочки, которые она обувала в поезде, потом расчёска, алюминиевая кружка, чайная ложка, потом столовая... Металл кружки и ложек загрохотал по металлу лестницы, эхом разносясь по потолкам и углам огромного помещения. Все снова обернулись.

Катяня бросилась было подбирать, но сама чуть не кувыркнулась носом вниз. Снова выручил щупленький парнишка. Сначала она, добрый человек, собрал всё, а после ещё и в сумку сумел на ходу сложить.

Когда до самого дна доехали, Веруня с Катяней чуть не свалились вместе при спуске с эскалатора. Если б снова военный не ухватил обеих, не избежать бы точно бабкам беды, косточки переломали бы как пить дать.

— Ох, и дикие мы с тобой, — уже сидя на скамейке и отдышавшись, еле шевеля губами, тихо произнесла Катяня. — Говорила тебе, что опозоримся, как есть опозоримся. Мы ещё туда не доехали, а уже чуть ноги не переломали, и сумки не потеряли. А чего там будет?! Ой, дура я, дура, тебя послушала, хоть вой теперь.

— И нечего выть, — поправляя на голове шаль, резко ответила Веруня. — Знамо дело, что тут уметь надо, а мы не умеем. Ладно, главное, что живы, прости, Господи, остались и, спасибо Ему, до вагонов тут под землёй добрались. Дальше-то уж сядем да поезде куда надо. Чего ты расхрулилась? Тут на камеру не снимают и по телевизору не показывают. Кому мы нужны?! Ну, побеспокоили народ по неосторожности и по незнанию, дальше умнее будем. Оглядывайся по сторонам почаще, примечай, присматривайся... Чем мы хуже этих всех?! Вон, Ирка-почтарка говорила, что тут больше

половины приезжих, и все сначала приспособляются, тоже, поди, не сразу по этим лестницам ездить намастрячились. Всё, хватит, давай в вагон грузиться.

— Если ты такая бойкая, так сама бы и ехала, нечего было меня сюда тащить, — попробовала возразить Катяня, но Веруня встала, отряхнулась и сказала, подхватывая сумки:

— Я не пою и не пляшу, зачем я им? Ведь говорили уже, чего опять взялась сомневаться?

Катяня не ответила, только, задрав голову, двинулась следом, с трудом удерживая на согнутой в локте руке сразу обе свои сумки.

В поезде оказалось не больно просторно, особенно для Веруни. Им уступили места, и старухи уселись рядом, на коленях пристроив багаж. Поезд поехал быстро, прям будто полетел. Стали осматриваться тут. Напротив сидела, как им показалось, девушка с наушниками в ушах, а рядом с ней — другая девушка, но крупнее, и тоже с наушниками. Первая выглядела как-то особенно тощенько, в обтягивающих штанишках, едва прикрывающих щиколотки, и с голыми ногами, торчащими из кроссовок. Носков на ногах у неё они не разглядели.

— Глянь, — шепнула Веруня. — Босиком надела обувку и ходит. Холодина такая, а она простывает. По-женски ведь застудится, и всё — детей не видать.

Когда объявили, что следующая “Владыкино”, соскочили, как недобитый по башке карась со сковородки, и рванули к дверям. Девушки теперь оказались рядом с ними. К той, что потощее и плохо одета и которую они пожалели, придвинулась крупненькая. Первая обняла вторую, и они сначала о чём-то стали шептаться, миловаться, а потом поцеловались, да так, что Веруня чуть не ахнула вслух, и лишь то, что успела зажать рот ладонью, спасло её от очередного недоразумения. У Катяни от увиденного помутилось в глазах. Обе устались на девиц, раскрыв рты и глаза, но тут поезд стал останавливаться, и пора было выходить, а старухи, потрясённые увиденным, стояли, как приклеенные к полу. Девушки встали и, взявшись за ручки, повернулись к выходу, и та, что поменьше, спросила грубоватым мужским баском:

— Будете выходить?

Старухи заморгали часто, но почти синхронно, и почему-то сначала погнулись. Слава богу, Веруня спохватилась и встала на прежнее место, объявив:

— Выходим!

Катяня придвинулась к ней. Лицо девушки с мужским голосом оказалось прямо перед её глазами, и только тут она близоруко разглядела, что это парень, а вовсе не девка. Его щёки покрывал пушок, под носом торчали пеньки сбритых вчера-позавчера усиков, а на подбородке, который до того он прятал в намотанный на шее огромный жёлтый шарф, виднелась реденькая бородка, как у молоденького козлика.

Когда вышли из вагона, Катяня залилась смехом, схватив Веруню за локоть:

— Видела, а?! А мы, дуры, перепугались. Я уж думала, грешным делом, что это эти, как их, голубые что ли... А это парень с девчонкой, только поди их различи.

— Ага! И она в штанах, и он. И, главное, ты видела, она-то бритая, и железки по всем ушам, и в бровях, а у него волосы ниже плеч, и щуплый, как барышня, ей-то до плеча только-только... Вот умора. Приедем, расскажем своим, — тараторила Веруня, глядя вслед этой странной парочке. — Помню, за мини-юбку Верушку ругала, заставила волан пришить. Чуть не до мордобоя дело доходило, а теперь и того хуже, и не разберёшь, кто где?! Поди догадайся.

Гостиницы у метро не было. Очень этому удивились. После расспросов пробегающих мимо по отрывочным сведениям, которые удалось собрать, поняли, что надо ещё куда-то ехать.

— Господи! — вырвалось у Катяни. — Она, эта Москва, когда-нибудь где-нибудь кончается?! Куда ни глянь — дома да дороги, и над землёй, и под ней, только что по небу тут ещё летать не научились, и народу, что вшей на гребешке... Едем-едем, а конца-края не видно.

До гостиницы-таки добрались, пройдя всего ничего от остановки, спрашивая чуть не на каждом шагу у местных дорогу, чтоб лишний раз удостовериться, что идут верно. Здесь народ попадался, к счастью, не такой замороченный, как у метро, и даже вполне словоохотливый.

5

Гостиница встретила старух ярким светом, сверкающим полом и полнейшим равнодушием. Разговаривали с ними не больно приветливо и сразу сказали, что бесплатно поселят только Катяню как участницу игры, а Веруне придётся платить. Деньжищи потребовали вперёд сразу за все три дня, не меньше трёх тысяч за койку в сутки в двухместном номере.

У Веруни чуть не остановилось сердце, когда об этом услышала от администратора. Кое-как успокоила себя, подавив взрыв возмущения в груди и волну беспомощности, накрывшую её и медленно спустившуюся к ногам. Подумав, что раз в жизни и такое можно себе позволить, усилием воли она заставила себя дышать ровнее, но досада от расходов тяжеленным камнем провалилась внутрь, к самому сердцу и придавила его. Катяня тоже расстроилась, предложила поделить расход пополам, но золовка отказалась.

— Сама кашу заварила, сама буду и хлебать, — заявила Веруня, последний раз взглянув на деньги, перекочевавшие из её крючковатых пальцев в беленькие ручки с фиолетовыми глянцевыми ноготками.

Не думали они, и что жить придётся в разных номерах, хоть расположенных и на одном этаже. То и дело ходили друг к другу, шушукались. На них обижались соседки, которым казалось, что они судачат про них. Старухи извинялись, старались вести себя как можно тише, только выходило это плохо.

Спали обе плохо на новом месте, кровати неудобные, подушки как детские, да к тому же непонятно чем набитые, уж не пером — точно. Голова на них запрокинула, отдыха никакого. Мучения похлеще, чем в поезде.

Ещё с вечера решили, что перед игрой надо будет обязательно в церковь наведаться, благословения попросить у местного батюшки. Решили, потому как не привыкли такие ответственные большие дела делать без Божьего благословения. Да и неуверенность Катяни в себе не давала покоя ни ей самой, ни Веруне, хотелось заручиться поддержкой.

Времени было немного, в первый же день “Поле чудес” требовало явиться в Останкино. Переночевав с горем пополам, на завтрак заявились одни из первых, поглотали сосиски с гречкой, выпили чаю с печеньем, сыром и маленькими шоколадками и поспешили в храм. С расспросами к буфетнице долго приставать не стали, чтоб не нервировать и не отвлекать от работы, выведали только, на каком транспорте добираться. Оказалось, что церковь — храм Троицы Живоначальной — как раз недалеко от гостиницы и к тому же недалеко и от телецентра, где будут снимать передачу.

— Вот что значит — храм, — твердила Веруня по дороге на остановку. — Ведь надо ж как бывает — рядом и снимать будут. Ну, хоть тут не метаться.

Туда доехали на троллейбусе всё по той же красной карточке, до церкви дошли скоро, купола увидели ещё из-за деревьев парка. Не позолоченные оказались купола, правда, старух крайне удивило, думали, что в столице храмы все золотом на солнце блещут, а тут... Но храм большой, красивый, бабки ахнули, когда ближе подошли. И сами не ожидали, что всё так быстро и гладко выйдет с дорогой на этот раз, даже успели к середине службы. Обе бухнулись на колени под пение, красиво растекающееся с клироса, а поднялись кое-как только после того, как замолчал священник.

Батюшка московский им понравился, и читал, и пел внятно и торжественно, и вообще оказался молод, серьёзен и светел весь лицом и сердцем.

Пожалели, что не успеют на исповедь, потому как она была назначена на завтра, а у них съёмка, да и поститься надо перед исповедью. Получив благословение, вздохнули, купили свечей, и пошли от одной иконы к другой, к каждой прикладываясь и у каждой ставя свечу. Внушительный алтарь своим величием поразил больше Катяню, но и Веруня долго стояла, просто рассматривая его, а потом ещё столько же уже с молитвами. И к Богородице, и к Николаю Чудотворцу обратились, к Иисусу Христу, само собой, и к Пантелеймону подошли. Радовались, словно малые ребятинки празднику и подаркам. На душе прям потеплело у обеих, стало необыкновенно легко.

Из храма вышли только через пару часов, обе сияющие от нахлынувшего воодушевления. Спросили — куда и с лёгким сердцем отправились в телецентр. Хотелось донести до студии, сохранить, не растеряв, благолепный настрой. Веруня, чтобы не допустить этого, остановилась, закрыла глаза и велела сделать то же самое Катяне. Надо было запомнить, спрятать в себе где-то это ощущение и состояние, за которым они сюда так стремились, и сбережь, ну, хоть до игры, а там видно будет.

Катяня, надеясь на то, что в помощи в нужный момент ни Господь, ни ангел-хранитель, ни тем более Богородица, которой она особенно доверяла, не откажут, ещё и их иконки маленькие купила в церкви, и теперь, достав, приложила к сердцу. Веруня быстро прикрыла глаза, одоблив её порыв, и сама мгновенно вытащила из потайного кармана “Живый в помощи” и зажала в руке, тоже приложив к груди.

Постояли, подышали этой благодатью, спрятали в себе глубоко, но одновременно так, чтобы в нужный момент близёхонько взять, да и поспешили к троллейбусу, потому как время уже поджимало.

Добравшись, увидели Останкинскую башню, аж замерли обе, едва спустившись со ступеньки троллейбуса. Хотелось поближе подойти, дотронуться хоть, ведь столько раз видели по телевизору эту диковинную высоченную столичную достопримечательность, а вот так, чтобы прямо перед собой, близко — чудо... Рты поразевали, поглазели, решили, что после игры, если получится, туда обязательно наведаются.

Заспешили по указанному адресу через дорогу. Потом около часа простояли у входа вместе со всем прочим народом, приехавшим играть на “Поле чудес” и сниматься ещё в каких-то передачах. Мёрзли до тех пор, пока не позвали внутрь. Устали так, что, когда довелось туда войти, уже еле держались на ногах, но и там, в огромном вестибюле, их муржили ещё полчаса и только после уж велели доставать паспорта, проходить через контроль, получать пропуски, оставлять верхнюю одежду в гардеробе.

Участников “Поля чудес” собралось человек тридцать, не меньше. Оказалось, что снимать будут сразу четыре игры, на месяц вперёд. Это Веруня выяснила у провожатого, парня с бородой и с бумажкой в руке, с которой сначала, ещё там, где проверяли паспорта, он зачитывал фамилии прибывших на игру и галочкой отмечал тех, кто отзывался, а потом ещё раз, уже возле гардероба, проделал то же самое. Потом он велел стоять тут и дожидаться его, а сам начал отправлять игроков на лифте наверх небольшими партиями, сопровождая до студии и возвращаясь за следующими.

Народ тем временем знакомился. Веруня с Катяней тоже выспрашивали у всех, кто откуда будет, и про себя рассказывали. Публика подобралась разная, но всё больше городские. Деревенских оказалось четверо: Катяня с Веруней да ещё мужик из Амурской области, пасечник, с бочонком меду, и тётка то-о-о-лстая, пекарь из-под Вологды. Привезла румяный каравай, украшенный цветочками-листочками, вырезанными из теста, и, как и они, самогону, а чего ж ещё? Правда, если учесть, что Веруня не участница, а поддерживающая Катяню конструкция, то всего трое их, селян, получилось на четыре передачи.

— Да уж! Куда нам с ними, образованными, тягаться?! — забеспокоилась Катяня. — Всё выиграют. Глянь, в очках и бабы, и мужики, умные, видать.

— И чего ты колготисся?! — ширнула её в бок Веруня. — Тут призы дают не за ум, тут другое надо. Если б за ум, то этим, — махнув в сторону

благоухающих запахами, разодетых городских, затараторила золовка, — надо было на “Кто хочет стать миллионером?”. Тут как раз ты, моя хорошая, по адресу попала. На этой передаче себя надо показывать, петь-плясать, балагурить, народ веселить, а в этом деле ты у нас не хуже “Уральских пельменей” будешь. Ещё и фору им дашь.

В лифт вошли, как в космический корабль, поехали тихонько, впятером. Наверху их встретили какие-то не очень вежливые люди, проводили в большую комнату, где уже ждали участники, которых проводили раньше. В большом помещении стояли коричневые диванчики, низкие столики, цветы в горшках прямо на полу, а на одной стене до самого потолка — зеркало. Все расселись, снова подождали немного и дождались режиссёра. Он рассказал, как играть, что можно, чего нельзя, про правила сказал, про то, как одеться, что дарить, как и в каком виде.

Городские начали задавать вопросы, деревенские помалкивали. Разговор получился длинный, Катяня с Веруней от него устали, и когда режиссёр ушёл, решили уж было, что всё на сегодня закончилось, но не тут-то было. В комнату пришли ещё люди, мужчины и женщины, стали выкрикивать фамилии и подзывать к себе.

Всех разделили на восемь групп. Свою фамилию Катяня услышала от бледного мужичонки, который вошёл последним. Плогоавенький такой, весь облезлый какой-то, и джинсы на нём рваненькие, старенькие, ношенные-переношенные, и рубашонка мятая, полинялая какая-то, только жилетик сверху ничего так, приличный вроде. Его вид вызвал у бабок не то чтобы сочувствие, скорее, сострадание.

— Глянь, — шепнула Катяня, — голодный поди, что коняка ранней весной, а оборванный-то... Ой, хоть слёзы над ним лей. Видать, жена-стерва последние копейки выгребает, что ему, бедолаге, ни пообедать, ни одеться.

— Ага, — согласилась Веруня, — убогой какой-то. Может, выпивает?

— Да ты чего? Разве алкаша на такую работу возьмут?!

— Ну, тогда, значит, и правда, жена — стерва, — утвердилась в своих предположениях Катяня и предложила подарить ему одну бутылку самогона в расчёте на то, что, если не выпьет, то продаст, да хоть в столовую сходит, поест досыта. Самогон-то хороший, крепкий, такой продать можно подороже.

Веруня согласно махнула головой. И они уж было собрались мужичонке предложить принять от них подарок, но он начал вопросы разные задавать, кто, мол, они, откуда, чего да как. Старухи, перебивая друг друга и путаясь, начали чего-то бормотать, но больше мешали друг другу, а мужичонку и вовсе запутали. Тогда он отправил Веруню погулять в коридор, а сам велел Катяне показывать, как она может петь, плясать и забавлять прибаутками. Остальные четверо стояли рядом и ждали своей очереди показывать таланты.

Ну, тут уж Катяня-Мутоворка показала им всем настоящую жизнь. Начала с частушек, но когда с матерком пошли, мужичонка её остановил:

— Нет, нет... Нет, так не пойдёт. Здесь многое, конечно, можно, но не всё. Что ещё имеется в вашем репертуаре?

Катяня затянула “Свадебную застольную”:

*У меня, у молодицы, свадьбушка,
А я, добрая девица, в горюшке.
Ой, в таком я горюшке-е-е...*

Мужичишко снова её остановил, сказал, что не подойдёт, давайте-ка лучше что-нибудь весёлое, праздничное. Катяня, заплясав, спела “Покосную плясовую”:

*Как ходили на покос мы с утра,
Травы всюду, им не видно конца.
Уж и ноженьки, и руки болят,
А вокруг, вокруг всё травы стоят.*

*Пахнет клевером-ромашкой кругом,
А мы, знай себе, работаем днём,
А и ночью б на покос мы пошли,
Коли б луг нам осветили огни.*

*Только ноченька темнёншенька-темна,
Ох, устали и заснули до утра...*

При этом она подпрыгивала на месте, щёлкала пальцами, подняв руки вверх и размахивая ими из стороны в сторону. Потом закружилась, стала головой вертеть, плечи вверх-вниз... В конце она выставила вперёд правую ногу на пятке, присев на левой, а руки так широко развела в стороны, что чуть не кувыркнулась, ладно успела ухватиться за стул, на котором до того сидела. Платок с её плеч упал на пол, волосы растрепались, выбившись из-под косынки, а сама косынка съехала набок.

Мужичок посмотрел на Катяню долгим пронзительным взглядом и сказал:

— Хорошо. Это хорошо. Вы так перед камерой сможете?

Катяня не знала, что ответить. Кто ж его знает? И пожала плечами.

— В этом-то и загвоздка, — озадаченно произнёс мужичок. — Тут вы все, ну, или почти все, артисты, а там... Попробуйте. Пойдёмте.

В это время вся толпа двинула куда-то, Катяня тоже. Мужичонка шёл впереди. Оказывается, их повели туда, где снимают игру. В студии, так этот огромный амбар назывался, бедная бабка совсем растерялась. Катяня чуть сознание не потеряла, когда увидела в центре тот самый барабан, а ей уже предложили:

— Мы сейчас на вас камеру наведём, и вы всё это повторите, — сказал ей мужичонка.

Катяня вздрогнула всем организмом, захлопала часто глазами, беспомощно уставившись на плюгового.

— Ну, что же вы? — уже стоя возле камеры рядом с оператором, развёл он руками. — Пожалуйста, это ваш звёздный час!

И неизвестно, что было бы с Катяней, не появившись в этот момент неизвестно откуда золотка. Она чуть не заблудилась в коридорах “Останкино” и, решив, что лучше будет вернуться в студию, притащилась обратно как раз к этому во всех отношениях страшному для Катяни моменту.

В следующую секунду она подскочила к ней, дёрнула за рукав кофты и зашипела в ухо:

— Чего выставилась?! Не первый раз, поди, замужем-то. Покажи им, Катяня, а то на черта, спрашивается, мы с тобой сюда пёрлись, кошёлки дырявые?!

При этих золоткиных словах лицо Катяни, тут же припомнившей, сколько было заплачено в гостинице за место Веруни, сколько они уже потратили на проезд и, представив с ужасом, сколько ещё потратят до отъезда, сделалось вдруг цвета свежевыстиранной и на совесть отбелённой простыни.

После промелькнувшей в уме калькуляции её сначала накрыла дрожь, как в холодном предбаннике, если с мороза зайти и сразу раздеться, а босыми ногами встать на ледяной пол, по которому с улицы ветерком тянет, но Катяня в присутствии золотки колотун уняла быстро. Глубоко вздохнув, она расправила плечи, ветряхнулась, да так заплясала, как сроду не плясала даже она — лихо, широко, даже буйно, словно рюмашку перед тем опрокинула.

Веруня, и та замерла в растерянности, увидав, как эта старая бабка, изрядно побитая её братом и жизнью, принялась отбивать ногами дробь со скоростью молотилки, а потом и вовсе пошла, разведя поднятые руки в стороны, на мужичонку и на саму камеру. Шла Катяня так бесстрашно, что чуть не влепилась в неё и в оператора, благо вовремя плясуны развернули, велели отойти на безопасное расстояние и уже там давать жару. И она дала.

Катяня была резиновыми каблучками войлочных сапог за топтанному полу студии, потом выписывала ногами всякие крюки-выкрюки, словно не было у неё ни пяточных шпор, ни артроза, ни шишек у больших пальцев,

выпирающих в стороны. Она бойко и радостно носилась по кругу, приподнимая и опуская плечи, при этом во весь свой голос снова горланя “Покосную”, приглашала с собой танцевать плюгавого, потом оператора, следом стоявший кругом народ... Народ стеснялся, отодвигался, хихикал, но когда она перешла на “Кадриль”, это очень всем понравилось, потому как Катяня разошлась, да с таким бесшабашным неистовым размахом и свойственным только ей куражом, что не всем, конечно, но многим из участников игры тоже захотелось пуститься в пляс.

Даже Веруня начала приплясывать и подпевать, и лишь когда музыку вдруг остановили, увидела, как запыхалась Катяня. Её усадили, а плюгавый подскокал и завопил, накидывая ей на плечи платок:

— Отлично! Замечательно! Ошеломительно! Вот так и будете... Играть... Ну, в смысле... Ну, вы меня поняли.

Потом Катяне дали попить, а она, отдышавшись, наконец, смогла спросить:

— А как же барабан-то?! Я ж крутить приехала.

— Будет вам и барабан, но сначала спляшете, — ответил ей плюгавенький и убежал куда-то.

Катяня растерялась было, но Веруня под села рядом и возбуждённо зашептала:

— Ну, ты, бабка-бабонька, будто бражки хлобыстнула. Ох, сроду так не плясала, сколько тебя помню, заразу такую. Всё! Не зря ехали. Ты теперь, когда игра-то будет, вот так же им всё представь, чтоб аж искры полетели! И споешь тоже как щас, слышь, как щас пела, так же! Раз голосище Бог дал, так покажи им тут! Сроду у нас в деревне такого не было, а теперь уже и не будет.

Катяня, хоть и отдышалась, но слова Верунины слышались ей где-то далеко-далеко. В голове она чувствовала лёгкое кружение, ноги тряслись, а пальцы рук онемели и не слушались. Она и сама не ожидала от себя такого задора и куража, на который сподобилась. Веруня поддержала её вовремя, и теперь, обняв за плечи золовку, Катяня всем обмякшим телом рухнула и оперлась на неё, благо, что мощная комплекция той позволяла.

Отдохнув и осмотревшись, старухи двинулись в самый отдалённый уголок студии, где были сложены стулья. Там, вытащив из кучи три стула (на двух разместились Веруня), они уселись, наконец, основательно и стали наблюдать, что происходит вокруг.

Парни в спецовках таскали какие-то ящики, тётки, девочки молодые, одна страшнее другой, непонятно, во что одетые, с бумажками бегали туда-сюда, ругались... Мужичонка рваненький орал на одну из них, тряся перед носом помятой бумажкой и тыча пальцем ей в лицо. Народ толпился у барабана, озираясь по сторонам, путаясь ногами в кабелях, растянутых по полу студии. Было видно, что никто не знает, собственно сейчас-то им чего делать?! Без труда читалось на большинстве лиц и другое: ещё хуже участники представляли себе, что они тут будут делать потом, во время самой игры, когда уже их начнут снимать на камеру. По многим растерянным и озадаченным лицам также было ясно, что думают они и мечтают только о том, чтобы всё это непонятное и бессмысленное действие поскорее закончилось.

Муж одной из городских расфуфыренных дамочек, лощённый до блеска, словно вылизанный мамой-коровой новорождённый телёночек, в костюме и галстук, в очках и красивых модных туфлях, ругался противным гнусавым голосом. Не понятно к кому обращаясь, но очень громко он возмущался, почему в студию не подали чай и вообще не обеспечили подобающие условия. По его мнению, их сюда согнали, как скот, и держат самым возмутительным образом, толком ничего не объясняя.

Его супруга в длинном сиреновом платье, в сапожках на каблук, прижимая к себе лаковую сумочку с цветочком, недоумённо, но при этом и как-то зло поглядывала на плюгавенького мужичонку из-под пышной причёски. Она крепко сжимала руку мужа и так же крепко, всё крепче и крепче сжимались её губы.

Народ обходил их стороной, только ещё одна семейная пара, пожилая и, судя по всему, куда менее требовательная, спокойно взирала на них, стоя неподалёку. И непонятно, то ли они тоже хотят кофе и чая, потому как, хоть и изредка, но всё же кивают головами в знак согласия, то ли мечтают о том, чтобы кофе и чай подали в студию, и этот недовольный порядками человек, наконец, выпил чего-нибудь, а лучше всего сразу, и заткнулся.

Между тем бабки, уютно устроившись в своём углу, рассмотрев публику, стали думать про себя. Обе сразу дотумкали, что студия большая, поэтому развернуться есть где.

— Это нам как раз на руку. Какая разница теперь, коли мы с тобой уже тут. Ничего, повеселишь народ, пускай смеются, — рассуждала Веруня.

— У-у-у-у, и делов-то, — искоса глянув на неё, спокойно отозвалась Катяня. — От меня не убудет.

— Вот, вот! Ты сроду ничего хорошего не видела, так хоть на старости лет себя покажешь, а за это ещё и дадут чего-нибудь, разве плохо? Нам чего ни дай, всё согдится, хоть и самый задрипанный приз, мы согласные. Ну, конечно, лучше, если б чего стоящего, за хорошую цену дали, чтоб дорогу оправдать хоть... Ну, глядишь, повезёт, так чем путным разживёшься, в дом привезёшь, попользуешься. Вон, глянь, коробки какие-то всё таскают и таскают, и чего в них, а? Интересно... Эх, Катяня, жги! Как последний раз, как, помнишь, у меня на юбилее. Я тогда думала, что у тебя подошвы от калош отлетят, — твердила Веруня, тряся крепким кулаком.

— Ох, чего вспомнила, — с упрёком глянула на неё Катяня. — Уж лучше б у меня тогда подошвы отвалились. Позору-то было, когда юбка задралась.

Она стыдливо махнула рукой и вытерла внезапно нахлынувший на лоб пот уголком платка. Вот ведь напомнила, зараза. Нашла чего. Специально, что ли?! Веруня и сама уж пожалела об этом. Она ёрзала на стульях, то и дело переваливаясь с одного на другой, зорко глядела по сторонам, крепко держа Катяню за руку. Руки золовкины вспотели, стали липкими, но Катяня своей похолодевшей руки не отнимала. Золовка хоть и выглядела взбудораженно, но всё ж была тут её единственной помощницей и опорой. Она ещё сильнее сжала потную ладонь золовки, прижалась плечом к её груди, почувствовав шумное возбуждённое дыхание. Та, словно угадав её мысли, прошептала:

— Вот ведь как, и я тебе в помощь. Сколько собралось-то... Ох, тяжело-о-о-о... Но ничё, ничё! Ты не одна, моя хорошая, вместе мы тут, покажем, запомнят! Ты, матушка моя, главное не волнуйся, ты у нас артистка. Похлеще многих! Это ж твоя судьба такая горькая, что жизнь в деревне прошла, что ты не училась, не выступала нигде, кроме нашего клуба да смотров самодеятельности. Ещё вот за братца моего вышла, бедолажечка, всю тебя вымучил.

— Ой, ладно тебе, вспомнила, — перекрестилась Катяня. — Царствие ему Небесное. Сколько кровушки попил моей, так будь здоров!

К ним подскочила ассистентка режиссёра, полуохрипшая и с таким ужасом из волос на голове, который можно было принять либо за свалившуюся длинную шерсть, либо за изодранную в длинные клочья мочалку из люфы. Веруня прошептала еле слышно:

— Мымра, прости, Господи!

— Ведьма! — так же тихо выговорила Катяня.

Ногти у девицы были чёрного цвета, а поверх глаз сверкали оранжевые пятна.

— Бабушка... Кха, кха... Екатерина Егоровна — это вы? — сквозь хрипящий кашель обратилась она к Катяне. — Зайдите к визажисту. Срочно. Она — прямо по коридору и налево, дверь белая. Кха-кха-кха...

Катяня уставилась на золовку, а та, тоже не моргая, смотрела на ассистентку с таким выражением, словно девица появилась в студии, ну, как минимум, голая. И мало того, что сам вид её, потрёпанный и в соответствии с представлениями обеих совершенно недопустимый и небрежный, не внушал доверия, особенно рваные, словно чем-то химическим изъеденные

концы трикотажного кардигана и огромные ботинки на платформе, девица к тому же говорила почти беззвучно, с трудом выдавливая из себя слова. При этом мышцы на шее у неё натягивались из-за напряжения, а лицо принимало такое страдальческое выражение, что это “чудо в драных перьях” становилось похожим на умирающего в жутких мучениях больного.

Веруня первым делом подумала о том, что если эта полусумасшедшая сейчас уведёт с собой куда-то за белую дверь Катяню, то больше она её никогда не увидит. И неизвестно, что там ещё из неё сделают. Ещё крепче вцепившись в Катянину руку, она зло и недоверчиво посмотрела на ассистентку и твёрдо, с акцентом на последних словах заявила:

— Никуда она не пойдёт! Мы в парикмахерскую сами ходим, платье у неё красивое с собой, и бусы... Чтoб было, как у людей. Нас вся деревня смотреть будет. Нечего тут устраивать всякое безобразие, не позволим пугало делать из нормального человека.

— Что вы придумываете, — хрипя, завопила девица. — Я же к визажисту вас посылаю. При чём тут пугало?

— А ты на себя погляди, — огрызнулась Веруня.

Девица обиделась и ушла, а Катяня забеспокоилась:

— Верунь, иди надо, ведь ждут.

— Не пущу, пускай ждут. Сами соберёмся.

Но тут подошла ещё какая-то женщина постарше и вполне приятной наружности, которая вежливо пригласила обеих в тот самый кабинет. Девать-ся было некуда, старухи поднялись и пошли следом.

6

За белой дверью пахло, как у Веруни в палисаднике в конце июня. У старух головы закружились от ароматов. Кругом сверкали зеркала, на стенах висели портреты красивых девушек и женщин, накрашенных и причёсанных так, будто им вот-вот под венец идти за богатого жениха.

Катяню усадили в кресло, а Веруня осталась у двери, с трудом усевшись на изящной, но узкой и жёсткой скамеечке.

— Меня зовут Лана, я визажист этого проекта. Вы какой косметикой пользуетесь? — спросила женщина и внимательно посмотрела на лицо Катяни. Та молчала. Потом Лана провела кончиками своих хрупких пальчиков по её щекам, лбу и подбородку, и лицо её вытянулось так, что стало похоже на морду Сандры — собаки Кольки Кряжева. Веруня вся напряглась, готовая в любой момент броситься на защиту. По спине и шее Катяни помчались резвые мурашки, и её сначала даже немного затрясло, но она, не зная, как ответить, смотрела на своё отражение в зеркале и, продолжая сосредоточенно молчать, ждала, что же будет дальше.

Лана, глядя беспомощно на Катянино отражение, тоже молчала. Потом достала из кармана телефон, и позвонила:

— Зайди, Егор, тут по твоей части, — попросила она, и, отключив мобильник, спросила у Катяни ещё раз, какой косметикой она пользуется.

— Навозом мажемся, — ехидно отозвалась Веруня. — Чего спрашивать, не видно разве, что сроду ничего такого, кроме губнушки, не знали?! Да и то на Новый год да на Восьмое марта. Некогда нам. В огород нам эту вашу косметику на себя намазывать или в сарай?!

Лана покачала плечами и с усталой обречённостью во взгляде опустила на стул у окна. Из коридора услышался грохот, потом грубый мужской голос кого-то громко поприветствовал. Спустя пару минут, в комнату ввалился огромный мужик с наколками на руках и столь замысловатой причёской, что Веруня, увидев его, даже перекрестилась. Сооружение из кос, витых локонов, торчащих ёршиком, словно длинная щетина, волос, скреплённое какими-то ленточками, резинками и заколками, поверх выбритых висков напомнило старухам времена татаро-монгольского ига, про которое они смотрели лет пять назад фильм в клубе, пока тот ещё работал. Веруня отшатнулась от него, едва он вошёл, а Катяня ошалела от страха, да так, что и слова не могла сказать.

— Это наш ведущий визажист, — представила мужика Лана, подходя к Катяне.

— Зачем звала? — грохнул его голос прямо у неё над головой, и старухе показалось, что она разом оглохла. Веруня сидела, боясь шевельнуться.

— Гош, — тихо обратилась к нему Лана. — Сам всё видишь. Я не знаю, что делать.

— А ничего не делай, пусть так и снимается, — снова грохнул голос. — Тут уже ничего не спасёт.

— А режиссёр просил, требовал... — запинаясь, начала было возражать Лана, но он её перебил:

— Я ему кто? Бог?! Или, может, маг, волшебник, фея с волшебной дубинкой?! Ну, подмажь тут морщины и загудри, чтоб не бликовало, лоб особенно, подбородок, сама знаешь... Булку ей накрути из волос. Ну, и всё, радость моя. Мы тут не кино снимаем, в конце концов.

Он цыкнул и поспешно скрылся. Лана ещё несколько минут смотрела на Катяню, потом, высвободив волосы из-под косынки, прикинула, как будет сооружать причёску. Наконец, продолжительно снова помолчав, она сказала:

— Всё... пожалуй. Идите в студию, бабушка. Завтра придёте в эту гримёрку ровно в шестнадцать-пятнадцать. Запомнили?

Катяня махнула головой и, сообразив, что свободна, как будто взрывной волной вынесенная из кресла, подскочила и с небывалой лёгкостью в ногах и во всём теле рванула прочь. Веруня грузно, но тоже довольно резво двинула следом.

В коридоре они схватили друг друга за руки и так, держась крепко-накрепко, словно их кто-то только что пытался разлучить навечно, помчались дальше. Но у самой лестницы их остановила девица с оранжевыми глазами и свалявшимися волосами:

— Куда мы разбежались? — не поняла она. — Визажист закончил? Тогда — в студию. Не создавайте проблем.

Старухи развернулись и пошли в студию. Там кипела работа. Народ по-прежнему шарахался вокруг барабана, примериваясь к нему, и внимательно рассматривая. Режиссёр что-то кричал, мужик с огромной камерой наводил её то на одного, то на другого, а его помощник разгонял тех, кто самовольно пытался попасть в камеру или понадел случайно.

Рабочие всё ещё таскали коробки. Грудастая тётка с противным голосом подгоняла их, потом ещё парней с проводами в руках, девушку с вешалками, на которых висели платья, уборщицу со шваброй... Стоял ор, шум, чьи-то недовольные вопли, команды оператора и его же ругань, возгласы режиссёра, хрипенье его жуткой помощницы в драном кардигане, треск непонятный, но отчётливый, словно где-то что-то ломали деревянное и крепко сколоченное, далёкая музыка доносилась из коридора.

У старух почти одновременно закружились головы, и они, еле добравшись до своего угла, снова плюхнулись на стулья и затихли. Силы у обеих были на исходе, внутри всё тряслось, мозги, словно выключенный из розетки телевизор, потухли. В голове Катяни слышался лишь непонятный гул, похожий на гуденье молотилки, а Веруня, хоть и более устойчивая к подобным вещам, вообще ничего не слышала ни снаружи головы, ни внутри и уже, казалось, была в полнейшем беспомытстве. Лишь посидев некоторое время и чуть снова тут пообвыкнувшись, они понемногу пришли в себя и начали разговаривать.

— Может, пока не хватились, смоемся, — тихо прошептала Катяня, дёрнув Веруню за руку.

— В гостинице найдут, за сумками всё равно туда возвращаться, — прошептала та в ответ и развела руками.

— Ой, видать, влипли мы. Страшно-то как, Веруня.

— Хватит панику наводить, — строго приказала золовка. — Ты, Катяня, главное, сама себя соблюдай, нечего их тут всех слушать. Я так поняла, что из тебя они Василису Прекрасную делать не будут, обошлось. “Шишку” завтра на башке твоей лихой накрутят, лоб попудрят, и пойдёшь играть. Как к барабану встанешь, так пой, пляши, как умеешь, а ты умеешь, я-то знаю.

В первом ряду сидеть буду, на меня гляди. Не бойся никого. Не сожрут. Пой громче, вся страна смотреть будет.

Больше, к счастью, про них в этот день не вспомнили, а спустя полчаса вообще отпустили. Ужинать на этот раз отправились в номер Катяни, чтобы не беспокоить Верунину соседку. Та к игре не имела никакого отношения, приехала в столицу по своим делам, и вся эта канитель бабок, их разговоры и волнения её только раздражали. Катянина же соседка по номеру, докторша-стоматолог из Нижнего Новгорода, молодая, красивая, разведённая, с двумя полуторагодовалыми близнецами, тоже приехавшая на “Поле чудес”, отправилась посмотреть Москву. Кипятильником согрели воду в банке, доели курицу, картошку и яйца и выпили по три кружки чаю с конфетами. Потом Веруня пошла к себе мыться, а Катяня, тоже сполоснувшись, прилегла.

Поспать ночью не получилось. Сон не шёл. Ворочались-ворочались, скрипели кроватями, и, в конце концов, обе, независимо друг от друга, но почти одновременно вышли в коридор и уселись на диванчике, обернувшись в платки, и почти всю ночь так и просидели. Дежурная по этажу ничего не спросила. Она читала и по сторонам не смотрела.

— Давай молиться, — предложила Веруня.

— Давай, — обрадовалась Катяня. — Ой, только у меня “Молитвослов” там... В тумбочку положила.

— Читай “Богородицу”, она поможет, и “Ангелу-хранителю”, чтоб рядом был, слышал, — надоумила золовку Веруня. — Хоть своими словами проси, главное — проси... Услышат. В церковь-то, слава Богу, успели. Дома надо было к отцу Михаилу съездить в Комаровку, тоже не помешало бы.

— А когда?! — возразила Катяня. — Собирались как оглашенные.

— И то правда, — вздохнула Веруня. — Ладно, Катяня, теперь уж, как Бог даст. Завтра велено к двум часам дня приходиться, так что время с утра будет. Ещё посидим, почитаем... Утренние само собой, ещё Ангелу-хранителю канон обязательно, акафисты... Ко мне приходи, моя с утра как уходит, так на весь день. И “Молитвослов” возьми. Не забудь!

Потом больше часа обе просидели почти не двигаясь, но активно шевеля губами. Проходящие мимо редкие полуночники с подозрением смотрели на них и быстро удалялись. Старухи молились, и их обращения, вроде: “Господи, сподобь не опозориться...”, “помоги угадать...”, “...дай, Всевидящий и Всеслышающий, голове моей дырявой соображения...”, “...помоги моей золовочке расчудесной, она такая хорошая...” — и все остальные были многочисленными, слёзные, но, по сути, об одном и том же. Обе даже устали, потом помолчали, поболтали о том о сём, снова долго молились и лишь к пяти часам утра разбрелись-таки по своим номерам.

Утром соскочили рано и почти одновременно, около семи, однако выспались неплохо. Выручила их вечная деревенская привычка вставать не тогда, когда хочется, а когда хозяйство и живность того потребуют, а требования всегда были ранними — задолго до рассвета.

На завтрак пошли вместе с соседками, чтобы не заблудиться. Поев сосисок с макаронами и выпив чаю с сахаром и с молоком, почему-то сразу почувствовали себя увереннее и даже веселее. В номере у Веруни, как и ожидалось, никого уже не было, и Катяня с “Молитвословом” и сумкой еды притащилась к ней. Нарезали сала, с хлебом съели по три ломтика. Ели не потому, что проголодались, ещё не успели, конечно, и не потому, что несытный подавали завтрак, просто хотелось своей еды, привычных вкусов, да ещё хлеба, главное, хлеба своего, потому как московский ели через силу, не нравился. Позавтракали вроде бы хорошо, но то ли от переживаний, то ли от бессонной ночи, аппетит у обеих прям всколыхнулся. И дома так не ели после работы, а тут, ну, точно с цепи сорвались обе, ели, что Колька Кряжев, которого жена прозвала “Жора”, — это от “обжора” сокращённо. Катяня, по правде сказать, кусок в горло не больно-то заходил, ела, глядя на золовку. Она переживала, мучилась от ожидания надвигавшейся на неё, как огромная грозовая туча, съёмки.

В студию перед съёмкой их не пустили. Всем велели сидеть в большой комнате рядом и ждать. Старухи устроились на диванчиках и стали ждать, когда позвут делать причёску. Потом Лана лихо наввертела Катяне шишку, подложив кусочек поролона внутрь. После этого лицо Катяни, к её собственному удивлению, вдруг изменилось, вроде даже подтянулось, откуда-то вылезла шея, в ушах засверкали фианитами серёжки, а бусы Верунины так заиграли, что и платок Иркин, хоть и красивый, на плечи накидывать расхотелось.

Веруня, наблюдавшая за действием, разулыбалась, в зеркало подмигнув Катяне. Лана, поджимая губы, морщила лицо, тыча шпильки в шишку со всех сторон. Потом она чем-то намазала Катяне физиономию и напудрила так, что бедная старуха сначала закашлялась, а потом и вовсе принялась мотать головой в разные стороны.

После визита к гримерше Веруню отправили в студию, а Катяня снова присела на диванчик, гордо подняв голову. К ней тут же подошёл пасечник, и, широко улыбнувшись, неловко отвесил корявый комплимент. Катяня, сроду не слышавшая в свой адрес ничего подобного, даже так неловко сказанного, была тронута и поклонилась мужику с благодарностью. Он тоже. Потом спросила, скоро ли начнут.

— Да шут его знает, — пожал он плечами. — Мне всё равно уж. Я мёд свой вручу Леониду Аркадьичу, крутану разок, и можно домой отчаливать. Сфотографироваться бы с ним, свояку обещал и внучке. Как думаешь, разрешит?

— А чего ему, жалко, что ли? — повела рукой Катяня. — Подойди да спроси. Щёлк и всё, делов-то.

— Э-э-э, не скажи, — засомневался Семён Никитич, страхивая ребром ладони перхоть с плеч пиджака, туго обтянувшего его живот, размером не меньший, чем бочонок мёда, который он собирался дарить. — Понимаешь, Катерина Егоровна, к таким людям запросто ведь не подойдёшь. Как быть? Скажу, пожалуйста, дорогой Леонид Аркадьевич, я к вам с гостинцем, и вы меня не обидьте. Как? Можно так?

— Поди, можно, а как ещё-то? Не кланяться же. Ты ж у него не взаимы просишь.

— Да... Попробую так, — пытаюсь ослабить галстук, отозвался Семён Никитич. — Вот зараза-то, хотел без него, а жена дома говорит: “Не позорься, купи и надень, чтоб культурно смотрелся, соседи чтобы потом не говорили, мол, отправила мужика как попало”. Сил моих нет больше, дышать нечем в этом ошейнике. И как начальники в них целыми днями ходят?! Им, получается, тогда за вредность платить надо.

— Как-как? — расхохоталась Катяня. — Тебя вот пчёлы кусают? Кусают! И ничего ведь, терпишь. За вредность не приплачивают. Только за мёд. И они потеряют, ничего не случится с ними. За вредность не им, а нам платить надо. Сколько я их по жизни-то своей горемычной встречала, так эти кровопийцы один вреднее другого.

Никитич тоже рассмеялся.

— Я вот давно уж, годов с сорока пяти примерно, как этим делом занялся, так и про начальников забыл, — хитро подмигнул он Катяне. — Сам себе, знаете, начальник. Чего накачал, то и продал, оно всё моё.

— Это хорошо, когда так, — слегка щёлкнув пальцами, усмехнулась Катяня. — Обидно, когда всю жизнь ишачишь на тяжёлых работах, а тебя начальство не то, что поощрить, а только всё больше требует, всё больше... Раньше хоть грамоты давали, у меня три штуки на стене висят, а потом и этого не стало. Начальники всё для себя только делали, о себе думали, а мы, колхозники простые, так ничего и не заработали. Пенсию хорошую, и ту не заслужили. Если б не хозяйство, как бы шас жили?

Семён Никитич согласно прикрыл глаза, открыл и повторил за ней:

— Как бы шас жили? А хрен его знает!

— Вот-вот, — сквозь скривившиеся губы процедила Катяня. — Хрен нам один и достаётся всю жизнь.

Тут в комнате вдруг все всполошились, раздались вскрики, Катяня повернула голову в сторону непонятного движения, а Семён Никитич почему-то зажал ладонью рот.

— Ой, ой... — раздалось у выхода в студию.

Это вбежал ведущий, Леонид Аркадьевич, точно такой, как на экране, только невысокий, на пару голов ниже Семёна Никитича и не меньше, чем на голову, ниже Катяни, в ладно сидящем на нём костюме, с бабочкой и расчёсанными “волосок к волоску” пышными усами. Напудренный и улыбающийся, он возник перед волнующимися игроками, словно подарок. Его обступили, женщины бросились задавать вопросы и осыпать его восторгами, кое-кто даже отваживался вставать рядом, чтобы сфотографироваться, но он весело перед всеми извинился, мол, простите, я малость опоздал, а всё — и фото, и автографы, и беседы — в студии во время съёмки будет. И так же шустро, как появился, исчез там, откуда появился.

Игроки, растерявшиеся и удивлённые, а некоторые даже крайне восторженные аж до состояния потери речи, остались стоять толпой у входа в студию. Катяня только и успела, что приветствовать со своего места, а Семён Никитич, не успевший даже вынуть из футляра фотоаппарат, но первым пришедший в себя после всеобщего потрясения, громко матюгнулся сам на себя, что не догадался сделать это заранее.

Потом все разбрелись, расселись кто где и, устав уже ждать начала игры, просто молчали, изредка спрашивая у тех, кому был виден вход в студию, не зовут ли туда кого. Никого не звали.

— Может, про нас уже забыли? — попыталась пошутить одна из самых нарядных женщин, поправляя причёску.

Ей никто не ответил.

8

Съёмка началась через полчаса и шла так, словно с минуты на минуту ожидали падения метеорита именно на эту студию, ну, или, как минимум, приближения тайфуна. Увидав, в каком бешеном темпе всё происходит, как носится персонал, как гоняют в студию и из студии игроков, сторонний наблюдатель скорее поверил бы в то, что команда не “Поле чудес” снимает, а заранее зная, когда наступит проклятый катаклизм, делает всё, чтобы спастись. На самом деле просто спешили освободить помещение, чтобы не переплатить лишнего.

Игроки каждой тройки у барабана находились примерно минут по десяти-пятнадцать. Собственно игра, когда крутили барабан и называли буквы, шла меньше всего, аккуратно до того момента, пока в тройке не выявлялся “артист”. Дальше снимали только его, крупным планом, а остальных отправляли в комнату, где все ждали своей очереди. Если тройка талантами не блистала, то всё происходило совсем быстро, примерно как и в случае, если находилась какой-нибудь умник и с ходу угадывал слово. Двое других, а в особенности те, до кого и ход не дошёл, готовые задушить интеллектуала, скоренько, пока не успели этого сделать, выдворялись в “зал ожидания”. Их недовольные вопли скрывала плотно закрывающаяся дверь, за которую привычным движением всех отправляла ассистентка с розовыми пятнами глаз.

Самые счастливые успевали сфотографироваться с Якубовичем за минутку-другую, пока менялись тройки. К превеликой радости Семёна Никитича, за секунду до того, как его пригласили в “зал ожидания”, он успел-таки в последний момент прилепиться к двум красивым женщинам, фотографировавшимся со знаменитым телеведущим. Они пообещали ему прислать фото в обмен на мёд, и та, что постарше, одарила его своей визиткой.

Всем игрокам, независимо от того, успели ли крутануть барабан, подарили по небольшому компактному пылесосу “LG”. Катяня играла в третьей тройке, стояла посередине. Первой оказалась её соседка докторша, а третьим — симпатичный парень из Архангельска, водитель такси. Докторше не повезло, потому как у неё случился переход хода, а до парнишки и очередь не дошла — игра застопорилась на Катяне.

Когда пришёл её черёд играть, вопроса бабка уже не помнила, зато, едва успев крутануть барабан, принялась демонстрировать таланты, от которых даже у выдавшего самые невообразимые творческие народные виды Леонида Аркадьевича поначалу наступило онемение.

Для затравки Катяня сплясала, потом громко и заливисто спела куплет и припевку, частушки посыпались, как горох... Она так расстаралась, что очень удивилась, когда он, опомнившись, предложил ей назвать букву. Брякнула наугад “а” и, надо ж, — угадала, и тут же, не дав никому опомниться, снова крутанула, а сама продолжила плясать, запевая частушки и припевки. Раззадорившаяся старуха с присвистом и притопом пошла вокруг Якубовича с поднятыми руками, не обращая внимания ни на режиссёра, пытавшегося до неё докричаться, ни на ассистентку, кружившуюся зачем-то рядом.

Когда, наконец, Катяню сумели изловить и остановить, она, раскрасневшись и шумно дыша, искренне не поняла:

— Чего не так-то, дорогие?!

— Я вас умоляю, — закричала розовоглазая, — встаньте, пожалуйста, на своё место. Это же съёмка. Понимаете? Тут нельзя вот так, куда вас ноги понесут. Слушайте меня, я вам скажу, куда двигаться.

— Ага! — не растерялась Катяня и послушно встала на своё место.

— Крутите барабан, Екатерина Егоровна, — улыбнувшись, обратился к ней Леонид Аркадьевич.

И это было всё, что она запомнила со всей записи. Больше ничего! Только его ласковый взгляд, улыбку и бархатный голос.

Она крутанула, что было сил, барабан закружился, и Катяню снова понесло... Теперь перед ней носилась ассистентка, а она вприпрыжку, вприскок и даже вприсядку за ней с песнями и прибаутками, щёлкая пальцами, трясая головой и вскидывая время от времени плечи. Пару раз в порыве своего лицедейства она чуть не сшибла розовоглазую с ног, но та успевала увернуться.

Невзирая ни на кого, даже на самого Якубовича, Катяня продолжала своё лихое представление, выписывая без устали всё новые и новые кренделя и колена, успевая ещё и петь, и выкрикивать потешки и частушки, и кружиться... Она и не поняла, как и почему оказалась в объятиях рассерженного режиссёра, отчаянно орущего ей что-то неприятное прямо в правое ухо. Однако это сразу остудило её пыл, она уразумела, что, пожалуйста, переборщила с концертом, и послушно отправилась на своё место.

Снова, улыбаясь и подмигивая, Якубович сказал ей что-то, но что именно, она не поняла, и только когда он указал микрофоном туда, где было скрыто слово, которое следовало угадывать, она вдруг до смерти перепугалась. Три буквы из четырёх — первая, третья и последняя — были закрыты, а вторая значилась “а”, она её уже угадала.

И тут Катяня смутно стала понимать... Якубович просил назвать букву. В такие моменты она просто впадала в ступор, воображать не могла и страшно пугалась. Страх овладел ею и теперь, причём не просто обычный — леденящий, а самый неуправляемый, параличом сковавший только что выплясывавшее послушное тело.

Она поводила глазами по закрытым буквам и уставилась на Якубовича. Он выжидающе смотрел куда-то мимо неё, и от этого Катяне стало и вовсе не по себе. Чужая неминуемая катастрофа, и только потому, что надо было отвечать, ведь он же не отстанет, выдала:

— “Б”!

— Правильно! — даже подпрыгнул на месте ведущий, и выпорхнувшая откуда-то из-за его спины девушка с приклеенной улыбкой открыла первую букву в слове.

Катяня тупо посмотрела на “БА...” и, не зная, что делать дальше, снова уставилась на Якубовича, который скомандовал:

— Крутите барабан, — и, разулыбавшись в камеру, пошёл куда-то прочь от барабана, поправляя микрофон.

Катяня со всей дури снова крутанула, и только тут вспомнила, наконец, про Веруню. Она завертела головой, пытаясь увидеть золовку, но та, как и обещала, сидела почти прямо перед ней.

Золовка таращила глаза, вся сияла и что-то ей показывала на своей толстой шее чуть ниже второго подбородка. До Катяни разом дошло, что Веруния из всех сил пытается ей подсказать, но в этот момент сбоку подскочила ассистентка, показывая знаками, что надо петь и плясать. Понять-то Катяня это поняла, но ноги на этот раз не слушались, она и с места сдвинуться не могла.

— Ну! Пойте же, — требовала ассистентка, — идёт съёмка. Время, время! — тыкала она пальцем на своё запястье сверху, туда, где обычно носят часы. Её голоса Катяня не слышала, но отчётливо понимала все жесты.

— Ладно-ть, — тихо сказала она, вся выпрямилась, уставилась прямо в камеру и запела “Ой, ты степь широкая...” Голос звучал чисто, звонко, красиво, но какой-то незнакомый, словно чужой. Катяня сроду так не пела, широко и наполненно, на таких высоких нотах, да к тому же выходило душевно и торжественно. В студии стало тихо, режиссёр замер и, не моргая, слушал её пение. Якубович вдруг резко обернулся и уставился на неё, внимая каждому звуку.

А песня и правда казалась всем будто бы другой, не той, что всюду известна. Катяня пела её по-своему, растягивая больше положенного, да ещё с такой невероятной силой пела, с какой она всю свою жизнь работала. Песня лилась из неё мощным потоком народной мудрости, мечты о счастье, о радостной и заслуженно благополучной жизни, так и не воплощённой за долгие годы. В ней словно не было слов, а лишь только одна мелодия, наполненная содержанием всей Катяниной многотрудной судьбы, её бедами и скучными радостями, вечными бесплодными надеждами и каждодневной нескончаемой суетой. Словно сама так и не воплотившаяся в жизнь её выплеснулась в эту студию вместе с её голосом, старательно выводящим:

*Ой, ты, степь широкая,
Степь раздольная,
Широко ты, матушка,
Протянулася.*

*Ой, да не степной орёл
Подымается,
Ой, да то донской казак
Разгуляется.*

*Ой, да не летай, орёл,
Низко по земле,
Ой, да не гуляй, казак,
Близко к берегу!*

Когда Катяня замолчала, студия утопала в магической тишине. Рассеянно оглядываясь по сторонам, она вопросительным взглядом цеплялась за лица. И если бы не Верунина сияющая от восторга физиономия, наверное, она просто выбежала бы из студии, чем нарушила правила игры и лишилась возможности крутить барабан дальше.

Однако Катяня, прочитав по глазам золовки, что всё сделано в высшей степени правильно и великолепно, опять приосанилась, и с вызовом посмотрела на слово. Две последние буквы, по-прежнему закрытые, белыми пятнами расплылись перед её глазами и слились в одно огромное полотно, на фоне которого тоже не очень чётко, но всё же читаемо торчали “Б” и “А”.

Вся студия зааплодировала, зрители встали, а Якубович бросился обнимать и целовать Катяню. От него ей прямо в нос пахло чем-то резковатым, но приятным, и она с высоты своего роста тоже поцеловала его в лоб, крепко сжав руками за плечи. Она уж сто лет не целовалась с мужчинами, процедура её несколько смутила, но вроде как даже понравилась. Она покраснелась и, когда ведущий рванул обратно на своё место, прикрыла лицо руками.

Студия продолжала аплодировать, а она, преодолевая смущение и неловкость, повернулась к людям и принялась раскланиваться, разводя руки то

в стороны, то прижимая к груди. Послышались возгласы “Браво!”, от которых у Катяни лицо и шея разом вспыхнули, и жар этот ударил в ладони. Она растерянно улыбалась, кланялась всем в пояс, а сама только и ждала, когда это закончится. В деревне такого не бывало. Там ей, конечно, аплодировали, но недолго и скромно, потому как у них всё просто, не принято так, как в городе, показывать свои восторги, к тому же и она никогда так не пела.

Потом ассистентка всех долго усаживала, успокаивала. Катяня вернулась на своё место. Она задумчиво посмотрела на ведущего, которого только что целовала, он уже беседовал с режиссёром. И тут она заметила, что Веруня пронзительно и неотрывно смотрит на неё. Катяня сначала подумала, что что-то, наверно, не так сделала, или у неё что-то не так, провела на всякий случай руками по волосам и бусам, но всё оказалось в полном порядке. Она снова глянула на Веруню и тут поняла. Она поняла, что та изо всех сил пытается взглядом ей что-то сказать.

“Может, слово, шельма такая, знает?” — подумала Катяня и так же пронзительно посмотрела на золовку.

Та еле качнула головой в знак того, что знает. Она почесала рукой около виска и, прихватив пальцами серёжку, начала теревить её, как это делают многие женщины, когда волнуются, сомневаются или просто не уверены в себе. Конечно, никто в студии, кроме Катяни, не придал этому жесту ни малейшего значения.

Только бабка сразу сообразила, что это та самая серёжка, которую золовка ещё по осени случайно обронила в предбаннике, когда раздевалась. Нашлась она тогда благодаря тому, что Катяня, уже помывшись и обтираясь, на неё наступила.

Катяня хитро подмигнула Веруне, посмотрела на Якубовича, который как раз смотрел на неё, и открыла уж было рот, но он сказал:

— Низкий вам поклон за эту чудную песню, за душевное исполнение, дорогая вы наша Екатерина Егоровна, а теперь называйте, пожалуйста, следующую букву.

— Слово! — громко выдала Катяня.

— Вы назовёте слово?! — обрадовался Якубович.

— Ну, всё, поиграли, — услышала Катяня довольно громкий шёпот со стороны докторши, с досадой и разочарованием протиснувшийся сквозь её ровненькие и беленькие зубки.

— Угу, приехали, — послышалось в ответ со стороны таксиста.

Катяня снова приосанилась, гордо подняла голову и объявила:

— Баня!

Якубович снова подскочил на месте и бросился её обнимать, но уже без поцелуев. Веруня, вздрогнув всем телом так, словно её приподняло и шлёпнуло, завопила на всю студию:

— Мы выиграли! Мы выиграли!

Девушка открыла ещё две буквы, и все действительно увидели слово “БАНЯ”. В это время откуда-то сзади вынырнули ещё три девушки, которые положили перед каждым игроком по тонкой книжечке, запечатанной в полиэтиленовый пакет.

Катяня не успела ещё ничего понять, а игроков уже попросили из студии. “Заплаканная”, схватив её за локоть и сунув в руку пакетик с книжкой, потащила её в комнату. На ходу так громко, насколько это ей позволяла истерзанная болезнью и работой глотка, она пыталась объяснить растерянной старухе, что теперь следует сидеть тихо и ожидать, пока не позовут снова.

— Чего это? — не поняла Катяня. — Книжку зачем дали?

— Награда за участие — пылесос, — ответила хрипло ассистентка. — Это паспорт на него. Всё, идите, идите, там ждите. Следующая тройка выходит: Трофимчук, Ванина и Белкин. Вперёд, в студию!

Мимо Катяни проследовал Семён Никитич, это его фамилия оказалась Трофимчук. Катяня махнула ему и даже успела перекрестить удаляющуюся широкую спину в пиджаке и шею, перетянутую галстуком. Она уселась на своём диванчике. Подошли женщины, которые играли раньше, и начали поздравлять, а посреди комнаты в это время возмущалась врачиха:

— Здесь что, конкурс художественной самодеятельности или игра? Кошмар какой-то! Я столько денег на дорогу потратила, всю зарплату... Зачем мне этот пылесос?! Я недавно новый купила.

— Да будет вам сокрушаться. Дарёному коню, знаете ли... — попытался её утешить мужик из Ханты-Мансийска.

Но она, бросив злой взгляд в сторону Катяни, что-то коротко ему ответила и ушла к зеркалу, вытирая слёзы. Катяне стало не по себе. Она опустила глаза и старалась сообразить, что же не так сделала. И вроде бы всё правильно было там, в студии, и заслуженно, но получалось, что она этой несчастной женщине вроде как перешла дорогу. Конечно, будь сейчас с ней рядом Веруня, они бы вместе, двумя головами всё пообдумали, справились бы — золовка соображала шустрее, ситуацию просекала мгновенно. Одной ей стало сначала не по себе, а потом и вовсе накатило внезапно какое-то опустошение. Катяня чуть не расплакалась.

9

На диванчике Катяня сидела действительно тихо и неподвижно. Она вся вдруг иссякла, что-то в ней закончилось, то ли выплеснувшись наружу во время игры, то ли ещё по дороге в Останкино. И неизвестно, что и как бы случилось с ней дальше, если бы не Никитич. Пчеловод в буквальном смысле её спас. Довольно быстро вернувшись из студии, он сразу направился к ней.

— Ну, как? Как ты там? — встрепенулась Катяня.

— Ой! — махнул рукой багровый Никитич, расстёгивая пиджак. — Разок-то всего и крутанул барабан, а букву не угадал.

— Ну, вот и всё, Катерина Егоровна, мне уже можно домой отправляться, — отрапортовал он, срывая с шеи галстук, и шумно выдохнув. — Минутное дело, как выяснилось: тот, что после меня крутил, с ходу слово назвал, а до третьего и очередь не дошла. Всё скоренько и свернули, и нас снова сюда. Ну, я, знаете, так и думал... А чего им тут с нами рассусоливать?! Кто мы такие?! Самое главное успел, всем приветы передал, никого вроде не забыл. Мишке, главное, свояку, а то ведь обид будет... Ой, Егоровна, тётке, тоже Егоровне, только Валентине, в Елец привет не сказал. Эх, как же я так... Дубина! Она меня нянчила, когда родился. Мать слабая была, роды тяжёлые, я ж почти пять килограмм сразу был. Вот, пока она поправлялась, тётя Валя за мной смотрела. Шас ей уж под девяносто. Как же я так-то? Эх...

— Так беги скорей обратно, в студию-то, спроси, может, разрешат по горячим следам про неё словечко вставить, а уж потом как-нибудь к твоим приветам прилепят, а? Ну, вставят хоть в конце, может, что им жалко, что ли? Беги, узнай! — предложила сразу вышедшая из оцепенения Катяня.

Хоть смысл того, что говорил ей Никитич, доходил до неё смутно, да и то только самое последнее она успела уловить, но поняла-таки, что расстроился он всерьёз.

Никитич и правда, соскочив с дивана, поспешил обратно, но его в студию не пустили, да ещё велели больше не беспокоить.

— Всё! — рухнул он на диван, бросив галстук на пол. — Сказали, мол, там надо было думать. Теперь поздно.

— А-а-а-а, — слёзно и беспомощно протянула Катяня, не зная, что сказать в утешение.

— Приеду, позвоню, прощения попрошу, — опустив голову, сглотнул слону Никитич.

— Да не казни себя, ну их, — попросила его Катяня. — Они тут без конца снимают, знают, чего как сказать, как сделать... А мы? Раз в жизни на пять минут попали, а всё надо сделать как лучше. И не упомнишь ведь... Я вот тоже сижу, сижу, а всё сообразить не могу, чего я там творила? Не помню ничего! Вот дурья голова. Эта вон, что со мной играла, докторша в оранжевом костюме, обиделась, вишь... Жалко женщину, плачет. А я ведь тоже не виновата.

— Не бери в голову, Егоровна, тут люди играют. Кому-то везёт, кому-то — нет, и чего обижаться?! Сами пожаловали, олухи, никто налыгач на шею не накидывал и сюда не тащил.

Катяне стало легче после этих его слов. В груди отлегло, а в голове словно луч света пробился сквозь чашу тяжёлого непонимания, сомнений и пустых мучений по поводу того, что она там как-то не так показалась. Она придвинулась к Никитичу и попросила его:

— Ты вот что. Дай мне слово, что к тётке сам съездишь. Приветы эти, ой, милый ты мой, дорогой человек, ерунда это всё. Деньжата у тебя водятся, так ты накупи подарочков, да и прямо отсюда езжай к ней, навестишь, потолкуешь, порадуешь... А то ведь наше дело такое: помрёт, неровен час, Валентина Егоровна твоя, и всё. Поедешь, конечно, хоронить, а тогда ей будет уже всё равно. У тебя ж щас пчёлы спят, чего делать-то тебе, вот и повайдайся с ней, с живой. Там и привет будет, и застолье на радостях, и разговор, а то ведь нам всё некогда, всё некогда...

С минуту Никитич сидел неподвижно и таращился на Катяню, а потом как подскочит, словно мячик резиновый. Катяня аж вздрогнула.

— А и правда, — радостно зашептал он ей, почёсывая у правого виска. — Тут крючок небольшой будет, поездом сутки всего. Так я завтра на Казанский в кассу поблажусь за билетом, потом на вещевой рынок сгоняю, затарюсь там, и ей, и племянникам припасу гостинцев, а вечерком рвану. Ух, Егоровна, ну ты... Вот голова-то! Сто лет их не видел.

Но Егоровна не успела порадоваться вместе с ним.

— Чего вы тут сидите, присосли к диванам, финальную тройку снимать пора, — хрипела розовоглазая ассистентка, у которой потекла и размазалась тушь на правом глазу. — Что за работа у меня?! Чокнешься к чёртовой матери...

Она отругала Катяню, схватила под локоть и потащила в студию. Никитич крикнул ей вслед: “Ни пуха!”

Студия бурлила и суетилась в перерыве между съёмками. Свет ослепил Катяню, споткнувшись обо что-то, она чуть не грохнулась, только и успев вцепиться в визжащую проклятия в её и ещё чей-то адрес ассистентку режиссёра.

— Да что ж это такое?! — пуще прежнего развопилась та, едва удержав старуху за руку. — Ну, дойдите уже вы до этого барабана ещё раз! Это всё, всё, что от вас требуется. Потом можете хоть спотыкаться, хоть падать, хоть умирать, но после съёмки, пожалуйста. Понятно?!

Катяня кивнула. Девица дотащила её до барабана, где уже ждал парень, который ей снова прицепил микрофончик к платью.

— Катя, я тут, — расслышала она голос Веруни, махнула ей.

Режиссёр снова подошёл к ней и велел во время игры ещё петь и плясать. Она ничего не ответила, потому как сил в себе чувствовала только на то, чтобы удержаться на ногах ещё минут пять-десять да крутануть барабан в свою очередь и на том завершить своё участие в этом непонятном для неё действе, шумном, бестолковом и главное — абсолютно не понятном, хоть правила игры и объяснили.

Да, всё тут шло вроде как по правилам, но одновременно Катяня своей природной чуялкой, настроенной на восприятие жизни естественной, простой и честной, просекала — что-то было не то, что видно по телевизору, о чём говорили вчера и как она сама себе это представляла. Она словно двигалась по незнакомой земле без карты и ориентиров, то и дело ожидая с разных сторон опасности и неприятности в виде ругани или недовольства собой и своими действиями, боялась оступиться, сболтнуть не то, рассердить кого-то из местных начальников, а тут их много и неясно, кто главней. Катяня впервые в жизни была словно на минном поле, где и страшно идти, и надо, потому как деться больше некуда, ведь выбираться отсюда живым или мёртвым всё равно придётся.

Задание на финал игры Якубович прочитал с картонки чётко и громко:

— Как называлась тарелка в Древней Руси? Прошу вас подумать, как следует, слово непривычное, хотя вам может показаться иначе.

Веруна уставилась на Катяню, но та и сама уж знала ответ. Беда на этот раз подстерегала её в том, что по очереди она должна крутить барабан самой последней, и если очередь не дойдёт, то и слово сказать не успеет, могли опередить.

Девушка, первой крутившая барабан, потом крутила его ещё два раза, и было ясно, что слово она знает, но та, уже решив, что она в финале, старательно набирала очки. Назвав “а”, “п” и “к”, она крутанула в четвёртый раз, но тут случился переход хода. Мужичок из Москвы, научный работник какой-то, не стал мучиться и попросился назвать слово. Катяня чуть не потеряла сознание.

— Плошка, — радостно выдал лысенький, когда получил разрешение ведущего, и счастливо улыбнулся.

— Нет! — развёл руками Якубович и доброжелательно посмотрел на Катяню. — А теперь ваш ход, уважаемая, Екатерина Егоровна. Нет, голубушка моя, пожалуй, ваш выход! Прошу вас! — указал он ей на барабан, недвусмысленно намекнув на продолжение “сольного концерта”, который вернее было бы назвать бенефисом.

Катяня крутанула, посмотрела на Веруню, а та, соорудив из ладоней своих корявых подобие полураскрытой раковины, прижала руки к груди, слегка двигая пальцами. Удостоверившись, что она знает правильный ответ, Катяня еле дождалась, когда барабан остановится и сказала:

— Слово, Леонид Аркадьич! Слово скажу!

— Подумайте, голубушка, — пристально глядя на неё, попросил ведущий, — я предупреждал...

— Плошка! — раздалось в студии звонкое Катянино слово, и Якубович снова бросился к ней со своими объятиями.

Свет ударил в глаза молнией. Катяня едва не потеряла ориентацию в пространстве. Только камера, которая уставилась ей в самую физиономию, была ещё в поле зрения, остальное всё завертелось-закружилось вокруг, словно вихрь. Но и этот круговорот окружающего пространства был всего несколько секунд. Потом и вовсе всё куда-то пропало, скрылось позади света, растворилось среди просторов студии.

Ноги ослабели, Катяня качнулась, схватила Якубовича за плечо, уронив голову ему на макушку, но он, легко передав её какому-то хлипкому пареньку, неловко подхватившему и с трудом удержавшему старуху, незаметно выскользнул юрким ужом и скрылся.

Как она оказалась на стуле позади камеры, Катяня потом вспомнить так и не смогла. Только сидя видела, как отчаянно пыталась прорваться к ней Веруня, которую едва удерживала на своём месте розовоглазая, обеими руками, то отмахиваясь и отбиваясь от сильных и требовательных Веруниных рук, то переходя в наступление, хватая её за оба запястья или повыше — за локти.

Катяне дали стакан воды, она попросила ещё, потом её попытались поднять и отправить к барабану, уже в сплошном тумане. Она не то, чтобы угадать там чего-то, а и собственное имя не вспомнила бы в эти минуты, если бы спросили, — всё куда-то плыло-утекало-ехало мимо неё: и пол, и огни, и ряды зрителей. Мимо прошлыл режиссёр, который говорил с ней или спрашивал о чём-то, чего она, как ни силилась, понять не могла. Стоять она тоже не могла, да и сидела с трудом, потому что её то и дело куда-то уводило в сторону, потом подкидывало вверх, и снова в сторону, но уже в другую, а зацепиться было ровным счётом не за что, опереться не на кого. Только когда режиссёр, наконец, отстал, а на Катяню неожиданно, но оживляюще дунуло прохладой, свежим воздухом, невесть откуда взявшимся в духоте студии, в голове понемногу стало проясняться.

Сначала где-то далеко, словно кричали в самом конце узкого туннеля, она услышала:

— Встаньте, пожалуйста, к барабану. Суперигра! Суперигра! Съёмку невозможно остановить, у нас всё по времени. Держитесь, осталось совсем чуть-чуть. Смотрите перед собой! Строго перед собой, не в камеру!

Катяня затрясла головой и спросила:

— А плясать?

— Да вы хоть встаньте как-нибудь, я вас умоляю! Не до плясок уже, не надо. Поднимитесь, моя хорошая, давайте пройдем к барабану. А там стойте и всё, поняли меня? — пытаюсь поставить её на ноги, настойчиво,

но терпеливо и даже вроде как участливо, как показалось Катяне сквозь сумеречное её видение, требовал режиссёр.

Она снова рассеянно глянула в бездну студии и на счастье увидела Веруню. Та уже успокоилась и сидела тихо, подняв перед собой кулак. Несмотря на полубормочное состояние, Катяня тем не менее поняла, что означал жест золовки. То определённо был не знак устрашения, а, наоборот, способ поддержать её. Веруня так пыталась показать что-то вроде: “Да пребудет с нами сила!” — как она стала говорить к месту и не к месту с тех пор, как они по телевизору посмотрели “Звёздные войны”. Сделав над собой усилие, Катяня выпрямилась, расправила плечи и посмотрела перед собой.

— Давайте, бабулечка. Последний рывок, вы — финалистка. Вы хоть понимаете?! — провожая её к барабану, твердил режиссёр.

К Катяне подбежала та самая Лана и принялась её щедро пудрить. Катяня расчихалась, достала носовой платок, начала им обмахиваться. Лана разозлилась, выхватила платок, и, бросив его под ноги, продолжала махать кисточкой по её лбу и щекам, не давая опомниться. Лишь когда она удалилась, ругаясь и тряся от гнева головой, бедная старуха смогла раздышаться и прочихаться как следует.

Потом появился Якубович, он задал суперфинальный вопрос, смысл которого она снова не поняла, но это уже не имело ровным счётом никакого значения. Перед ней расположили закрытые белыми квадратами буквы, много букв, Катяня и не видела, где они заканчиваются. Но это тоже не имело значения.

Очков у финалистки оказалось мало, хватило только на соковыжималку. На просьбу ведущего выбрать себе приз для суперигры, Катяня ответила, крутанув барабан и охнув. Она определила себе приз — газовую плиту. Даже сама удивилась, что, услышав от ведущего: “Ого! Газовая плита!” — не испытала ровным счётом ничего: ни радости, ни беспокойства по поводу того, как везти это чудо потом домой в случае, если повезёт. Просто услышала и всё.

Поскольку вопроса Катяня не запомнила и не поняла, а угадывать не умела, то и буквы, которые Якубович предложил назвать, выдала наобум — А, Б и Л. На удивление Катяни улыбающаяся девушка открыла все буквы в слове, кроме предпоследней и той, что была перед ней. Получалось — “БА-ЛА.ЛА..А”. Зал заплодировал, а Веруня даже подняла руки вверх и хлопала так сильно, что чуть не свалила с мест соседей. Катяня тупо смотрела на Якубовича.

— Умница! Екатерина Егоровна, — с явной радостью в голосе, но довольно сдержанно сказал он и спросил: — Я понимаю, что, может быть, это лишнее, но я обязан спросить, нужна ли вам минута на размышления?

— Да, — ответила Катяня.

Якубович призвал всех соблюдать тишину в студии и устоялся на режиссёра. Тот развёл руками.

Повисла тишина, Катяня упёрлась стеклянными неподвижными глазами в буквы. Она смотрела, не отрываясь, напрягшись всем телом, а головой ощущая лишь свинцовую тяжесть непреодолимого ступора. И всё бы ничего, но почему-то в студии что-то очень сильно и громко стучало. Она не могла понять, что это было, но стук явно мешал ей сейчас. Катяня нахмурила брови, силясь понять, что это, и вдруг в ужасе схватилась за сердце. Это был стук её сердца, ударявшего в грудь, в спину, куда-то под левые рёбра, в уши и даже в глаза. Правда, благодаря Ирину платку выглядело это движение так, словно она решила поправить на груди именно платок.

— За-а-р-р-р-аза! — прижимая ладонь к груди, прошептала Катяня, сердце дёрнулось, потом ещё раз, и словно послушная домашняя зверушка, поняв, что чем-то досадила хозяину, а напрасно, сразу же стихло, будто спряталось или затаилось до времени.

Катяня слышала, как щёлкают секунды, понимая, что с каждой она безвозвратно теряет и без того ничтожные шансы на победу. И эти-то щелчки и заставили её собраться, она мгновенно вскинула брови, подняв голову, посмотрела на слово, которое без труда тут же угадала. При этом ей стало

внезапно так радостно-легко, что она снова чуть не пошла в пляс с песнями. Вокруг неё опять всё закружилось, ослепительно засверкало миллионами огней, и старуха, которая ещё совсем недавно уже почти умерла в этой студии, а всего лишь какие-то секунды назад усилием воли едва с перепугу не остановила собственное сердце, заставив его утихомириться, чуть не взлетела над барабаном и Якубовичем, взмахнув руками-крыльями.

Тем временем ведущий, улыбаясь, спросил, словно так, на всякий случай:

— Ну, ненаглядная вы наша, Екатерина Егоровна, называйте слово!

И Катяня, заиграв на воображаемой балалайке, бойко объявила:

— Балалайка, Леонид Аркадьич! Правильно?

Он не успел ответить, потому что в следующую секунду его кто-то свалил с ног, и на Катяню налетело что-то огромное, потное, тяжело дышащее, и заголосило ей прямо в ухо:

— Красавица ты моя ненаглядная! Катяня! Как же я тебя люблю!

Веруня и её чуть не свалила с ног, всю обლობызала, а Якубович, хоть и прилично, но всё же в сердцах кое-что сказав, ушёл. Зрители в студии соскочили со своих мест, словно под ними уже давно кипело или, как минимуму, закипало, и принялись разминать отсиженные места. Веруня кружила Катяню, шатала её в своих объятиях из стороны в сторону и радовалась, радовалась, а та молча тыкалась носом ей в ухо и, пытаясь устоять на ногах, цеплялась слабыми руками за шею. Режиссёр отругал Веруню, отправил вон из студии в комнату ожидания, а Катяню сфотографировали и тут же дали что-то подписать. Она подмахнула не глядя, потом подняла с пола упавший во время объятий платок и спросила:

— Люди добрые, а куда ж мне теперь идти?

10

Дома первым делом обе помчались в свои сараи.

Катяня, едва вошла, так сразу и расплакалась, так соскучилась по своим роднёньким теляткам и по коровке-красотулечке; коту Митьку, крутившегося тут же, тоже приголубила. Когда она подоила корову и напоила молоком телят, дала им сена и напоила корову, то вдруг поняла после всех приключений, как удивительно-остро теперь чувствовалось всё своё, близкое и домашнее. Даже скотина для неё была словно родная, родня, ну, или хороший-хороший друг, с которым знакома с незапамятных времён.

Ходила туда-сюда по сараюшке, поправляла всё, хоть Колька с женой ухаживали за скотом и птицей хорошо. Глядела, жадно глядела вокруг: на курочек, свинку, Соломку и Ласточку... И такая на душе расцвела вдруг отрада, что защемило внутри, задёргалось сердце, как трепетная голубка при виде своих птенцов, и чуть ноги не подкосились.

Постояла-постояла возле коровкиной карды, потихоньку в себя пришла, подкинула ещё сенца тёлочкам и кое-как ушла в дом. Соскучилась сильно.

Веруня тоже обошла своё подворье. Поблагодарила соседку Валентину, которая уже была тут как тут, за хороший пригляд. Она и печку справно вытапливала всю неделю, и за живностью присмотрела, и даже к приезду Веруни истопила баньку. Так что ближе к обеду, когда обе с хозяйством окончательно управились, ещё и в бане помылись с дороги. Вышли в таком чистом телесном ощущении, какого сроду не испытывали. Как подрубленные, обе рухнули на свои постели — отлёживаться до вечера. Спали в ту ночь крепко и спокойно, словно дети.

Утром Веруня с трудом дохромала до Катяни, потому что, проснувшись и попытавшись встать, обнаружила, что одна нога плохо слушается, того гляди, вообще, отнимется. Расходилась по комнате еле-еле, в сарае дела сделала, как смогла ладно ещё корова стельная в запуске, доить не надо, потом отлежалась часок и — к Катяне.

Та совсем ослабела. После утренних хлопот в сарае дотащилась до сеней и там упала. Подняла её Колькина жена Вера, которая не утерпела и чуть свет примчалась послушать про “Поле чудес”. Она уложила Катяню на диван, поставила чайник, напоила, а тут и Веруня подоспела.

Потом остальной народ со всей улицы собрался: и Раечка, и Валентина, и Варвара Андреевна, бухгалтер из конторы, и Ирка-почтарка, и мужики-пенсионеры — Иван Тимофеич, бывший завхоз школы, Николай Николаич, последний, единственный во всей округе на три деревни зоотехник, Колька Кряжев пришёл следом за супружницей, которая задержалась у Катяни, Сашка Афанасьев, тракторист в бытность свою рабочую, Венька Кочергин и даже дед древний самый Григорий Тарасыч притащился чуть не на последнем вздохе.

Старухи как-то сразу взбодрились, Катяня поднялась, и они с Верой и Валентиной начали собирать на стол, поставили чайник. Веруня уселась на диван и с воодушевлением принялась рассказывать во всех подробностях про поездку. Катяня тоже.

И как туда ехали, и как по Москве нашатались аж до тошноты, и про ужасное метро, и с какими тяжкими приключениями тащили плиту... Слушали-слушали, диву давались, охали, переспрашивали, и только когда уж за стол сели, попритихли все. Но и после Веруня ещё долго говорила, говорила, вспоминала всякие мелочи, про студию особенно и про то, как программу снимают.

А Колька тем временем, окружённый мужиками, решил затащить из сени в дом коробку с призом да посмотреть, всё ли в порядке, ведь, мало ли, не проверили бабки на складе, что там на самом деле лежит, а вдруг чего другое подсунули.

Распечатали, осмотрели товар, оказалось, что всё в целости, и то самое, что выиграла Катяня, — плита. Красивая, зараза, не то, что её старенькая, затёртая вся, с двумя неисправными горелками, ремонту давно не поддающаяся.

Колька имел интерес к призу не только праздный, но и профессиональный, прежде всего. Он же раньше был тут инженером и мастером по обслуживанию газового оборудования и теперь, когда деревня развалилась, на общественных началах по доброте душевной продолжал всем помогать. У него аж внутри всё чесалось, а не то, что снаружи под лопатками, когда он плиту выгружал у Катяниного двора.

Вот только беда, что, раскрыв коробку и разглядев агрегат, обнаружили досадное недоразумение — плита оказалась электрической. Красивые такие блинчики вместо газовых конфорок, всё как положено, всё современное, сверкающее, исправное, и написано не по-нашему, импортная, значит. Как в сказке — гляди только на неё, красавицу да умницу, бытовую помощницу, и восхищайся. И радоваться бы бедной натерпевшейся Катяне этому великому своему успеху, шальному выигрышу, за который ещё и отданы последние деньги грузчикам и водителю автобуса, да вот только закавыка в том, что пользоваться этим “счастьем” не придётся.

Её пенсии и так хватало в обрез газовой плитой, ещё и в печке кое-чего подваривала, чтобы сэкономить, а уж с такой техникой и подавно в трубу вылетишь. Куда уж, она и гладить почти перестала, только занавески, когда стирает, потому что платить за свет дорого, и телевизор смотреть они с Веруней старались вместе, по очереди ходили друг к дружке, существенная экономия выходила.

— Эх, бабки! — грустно улыбнулся Колька. — Чего ж вы теперь с этим выигранным добром делать-то станете?! Вы б ещё пианино выиграли, вот смеху было б... Может, как стает, да дорога просохнет, продать свезти на станцию. Хоть денжат сколько-нибудь вернёте.

II

“Поле чудес” все в деревне смотрели с большим интересом — еле дождалась начала марта, когда показали наконец-то Катяню у того заветного барабана и Веруню среди зрителей. Сошлись на мнении, что выступила она здорово, и показалась, чего уж там сомневаться, лучше всех на своей игре.

Обе старухи уверяли, что Катяня куда больше и спела, и сплясала, и прибаутки там всякие, и частушки, и присказки — всё, что накопила за

жизнь, всё, мол, выдала с азартом и на хорошем голосе... Никто не поверил, так как песню всего одну показали, ту самую, когда в студии потом тишина её оглушила, а пляски так сильно урезали, что никто вообще ничего в них не понял. Выходило, будто она только коленица показала и каблукками отбила по кругу разок и всего-то.

Ирка радовалась, что её платок там был. И не признала сначала, как-то он по-другому смотрелся с экрана, как-то хуже, что ли?

Особенно всех удивило, как Катяня угадывала буквы и слова называла.

— Ну, ты прям энциклопедия! — восхищался народ, не подозревая о Катянинных попытках угадывать, что называется, “пальцем в небо” и об их с Веруней тайных сигналах. И только когда золовка рассказала про серёжку, про то, как ладони чуть не изломала, пытаясь сложить в виде буквы “с”, стали ещё больше удивляться, как они, старые бестии, всех там на телевидении провели и объегорили.

Катяня с Веруней смотрели, вопреки ожиданиям, хоть и с интересом, ну, это понятно, но как-то без удовлетворения. Неприятный осадок всколыхнулся в груди с первых же кадров передачи, противно стало.

12

Это вообще был последний выпуск “Поля чудес”, который они посмотрели. Потом, если и начиналась передача, сразу же переключали. Всегда. Катяня, если из двух зол ей приходилось выбирать меньшее в этом случае, всегда предпочитала смотреть хоть ненавистный “НТВ”, хоть что угодно, но другое, лишь бы не “Поле чудес”. И Веруня тоже. Каждая в глубине души надеялась, что это временно, что эти противоречивые чувства пройдут со временем. Были даже уверены, что, когда это случится, снова продолжат смотреть программу, в которой, как ни крути, приняли участие.

13

До весны техника простояла у Катяни в горнице. Хоть и мешалась, а вытаскать в сени не решилась, вдруг попортится от холода, сенцы-то промёрзлые. А в середине мая Колька, когда на станцию ездил по делам, то загрузил в багажник коробку с плитой, а пылесос на переднее сиденье положил. Катяня сзади поехала.

Покупатели нашлись быстро. Барыги какие-то взяли всё разом за двенадцать тысяч. Хорошо ещё, Колька сторговаться сумел за эти деньги, сама бы она не сумела так выгодно. Колька с неё ни копейки не взял за то, что возил да торговал, спасибо ему. Катяня благодарила его сердечно всю обратную дорогу и пообещала, что по осени угостит его салцом, когда свинку зарежет, а Веруня самогона выгонит самого лучшего, и они ему на день рождения поставят.

Дома Катяня спрятала деньги за иконкой в уголке.

Вечером следующего дня она пошла к Веруне, чтобы скоротать время, да и в целях экономии бюджета, тем более что после “Поля чудес”, поиздержавшись, приходилось постоянно думать про то, как уберечься от лишних трат. Заначки на чёрный день, той, что была раньше, хоть и крохотной, в полторы тыщи, теперь не осталось, смертные деньги — по восемь тысяч отложили и она, и Веруня — тоже истратили в столице, да в пути туда-обратно, так что поясок затянуть пришлось, и туговато. Принялась с пенсии по чуть-чуть откладывать, то три сотенные, то четыре, к маю тыщу с копейками насобирала. И Веруня так же.

Прежде чем выйти из дому, Катяня, взяв корзиночку с вязаньем, нырнула за иконку. Достала свёрточек, увязанный в носовой клетчатый платочек, развернула, отсчитала половину, сунула в карман халата, а остальное снова закрутила, завязала на два узелка и обратно положила. Перекрестилась, поклонилась и пошла к золовке.

Терзала её мысль, что Веруня-то ведь больше, чем она, потратила, ей за гостиницу пришлось заплатить. Получалось, что надо было ей большую часть

денег, вырученных от продажи пылесоса и плиты, отдать, ну, где-то тыщ восемь примерно, а себе четыре оставить.

Она остановилась у ворот в раздумьях, потом вернулась и взяла с собой платочек со своей долей денег. С тем и пошла.

Веруня как раз только из печки курник вынула. Румяный и сытный, он лежал на столе, и из самой середины, где она дырочку прорезала, чтобы пар выходил, тонкая ароматная струйка дразнила запахами курятины, картошечки с луком, лаврового листика и укропчика.

Сели пить чай. Веруня, не дожидаясь, когда остынет, отрезала по хорошему куску себе и Катяне. Солидные треугольники сочились на тарелках мясным жирком, исходили распаренным картофельным духом, и золовка уже не без осторожности, потому что ещё жгло, улетала хрустящую корочку, запивая чайком, а вилку держала наготове в другой руке, чтобы черпнуть начинку. Катяня же глядела на кусок хоть и с аппетитом, но отстранённо. Веруня не поняла, чего это она медлит, и начала угощать, мол, ешь, пока рот свеж, чего задумалась?

Катяня подняла на неё виноватые глаза:

— Я, Вера, вот чего решила. Деньги, что мы с Колькой выручили на станции, ну, ты знаешь, мы с тобой поделим. Давай тебе восемь, а мне остальные четыре. Вот так.

Она вынула из кармана платочек со свёрточком внутри, начала было его развязывать, но золовка решительно остановила её:

— Вот ты чего удумала, а я-то в толк не возьму, чего эт ты не ешь, — отодвигая тарелку, тихо, как никогда, почти прошептала Веруня и тут же чуть громче прибавила: — Не надо, Катя... Ты выиграла, а я чего и сделала, так только то, что тебя на эту аферу подбила, и потому все расходы сама буду нести. Оставь себе всё.

Катяня достала из кармана вторую половину денег и положила рядом:

— Нет, Вера, если не хочешь, как я сказала, то давай хоть поделим пополам. Так верно будет.

Веруня сопротивлялась долго. Уже и курник наполовину съеден, и чай второй раз в чайнике закипал, а она всё твердила своё, что не надо и пополам делить, а правильно будет Катяне всё себе оставить. Но та не соглашалась. Препарились долго, но всё почём зря.

Когда спорить надоело, включили телевизор. Показывали “Поле чудес”. Начиналось самое интересное — суперигра. Веруня поднялась и телек выключила.

В конце концов, Катяня чуть не слезами уговорила Веруню взять-таки половину денег и, оставив на столе шесть тыщ, ушла домой.

Веруня долго молча смотрела на пятитысячную красненькую и две фиолетовые пятисотки. Ей и в руки не хотелось брать эти деньги, но и вернуть их Катяне не было никакой возможности. Она свернула их в трубочку, перевязала резиночкой, завернула в марлечку, потом в выцветшую ситцевую салфеточку и припрятала в укромном уголке своего шифоньера, там же, где хранила и свою заначку — девятьсот тридцать рублей, что удалось за весну собрать по крохам с пенсии. Катяня знала от неё про это тайное место, так, на всякий случай, так же, впрочем, как и Веруня про уголок за иконкой.

Потом, правда, всю ночь Веруня не спала после этого, и утром первое, что сделала, отнесла обратно Катяне деньги. Тоже со слезами, еле-еле, но всё же уговорила забрать себе.

Всё лето после этого Веруня прибаловала. То одно, то другое, а ближе к осени и вовсе её хватил удар. То ли покопала картошку в наклон, то ли с уборкой ботвы на огороде переусердствовала, но в голове сосуд, как сказали потом врачи Катяне, не выдержал и лопнул. Померла легко, хлоп — и всё! На крыльце, когда веником сор сметала, и броснулась, бедная. И позвать никого не смогла, только, видать, пыталась сама приподняться, но так и не сумела. Тут, на чистеньких ступеньках её Катяня и обнаружила. Она терзалась всё с того случая из-за денег, и аккуратно в тот вечер решила снова с Веруней поговорить, чтоб разделить всё-таки поровну двенадцать тысяч, что за иконкой хранила. И вот — на тебе!

Дочка Верунина приехала на похороны и стала жалиться, что хоронить мать не на что из-за ипотеки проклятой, которая высосала из неё всё и затянула в такую кабалу, из которой она, наверно, и до самой своей смерти не вырвется.

Местные собрали — кто сколько мог — три с половиной тыщи. Катяня достала из шифоньера узелочек, в котором лежало ещё полторы, а из кармана халата она вынула ещё восемь, сказав, что задолжала золовке и собиралась отдать, да не успела. На это Веруню и схоронили. Как раз на гроб простенький, покрывало, отпевание в церкви, полотенчики для помина, конфеты-печенье для этого же, водку для поминок хватило и чтобы за место на кладбище заплатить — оно обошлось в двести пятьдесят шесть рублей сорок три копейки по местным расценкам. Узелок с новым платьем вишневого цвета, ситцевой сорочкой, платком, чулками и зелёными парусиновыми тапками на липучках лежал в шифоньере на видном месте.

Поминки справили собственными припасами покойницы и Катянинными, благо, что лето урожайное выдалось, и картошка хорошо уродилась, и другие овощи, кроме огурцов, которые рано пожелтели и засохли, а свинка выросла, набрав нужный вес.

Напрасно они думали с покойницей-золовкой, что “Поле чудес” будут когда-нибудь смотреть снова. Катяня эту передачу больше не смотрела никогда.